

В. АСТАФЬЕВ

ОГОНЬКИ

В. АСТАФЬЕВ

О Г О Н Ъ К И

*Молотовское книжное издательство
Молотов — 1955*

Рассказы для детей среднего школьного возраста.

ВАСЮТКИНО ОЗЕРО

Это озеро почти невозможно отыскать на карте. Очень маленькое оно. Но Васютка никогда не забудет его. Ещё бы! Мала ли честь для тринадцатилетнего мальчишки — озеро, названное его именем! Пускай озеро и не велико, не то, что, скажем, Байкал, но Васютка сам отыскал его. Нашёл и людям показал. Да, да, не удивляйтесь и не думайте, что все озёра уже известны и что у каждого есть своё название. Много ещё, очень много в нашей стране безымянных озёр и речек, потому что велика наша Родина и сколько по ней ни ходи, всё будешь отыскивать что-нибудь новое, интересное. Нужно только искать и искать...

* * *

Сильными порывами дул южный ветер. На Енисее этот ветер называется «верховкой», потому что приходит он из далёкой Хаккасской степи или с горных хребтов Тувинской республики. Часто гуляет «верховка» весной и летом в Заполярье, принося с собой тепло, пробуждая занемевшую от стужи природу. К осени ветер всё реже и реже долетает сюда.

Начинают желтеть и осыпаться листья на деревьях, никнет к земле поблекшая трава; вода в Енисее становится прозрачно-серо-ватой. Очень короткое лето в Заполярье. И когда только успевают птицы

свить себе гнёда, вывести потомство да ещё вырастить его!

Как радостно бывает, когда в предосеннюю пору прилетит в Заполярье «верховка»! Ветер разгонит сгрудившиеся в небе тучи, пахнёт пряными запахами южных цветов и трав, утихомирят обеспокоившиеся табуны перелётных птиц. Доверчиво поглядывая на вновь выглянувшее солнце, они продолжают мирно жировать, набирая силы к далёкому и трудному перелёту.

...Рыбаки из бригады Григория Афанасьевича Шадрина — Васюткиного отца — приуныли. Беспреданно моросил дождь. Не хотелось даже выходить на улицу, не говоря уж о том, чтобы выплывать на реку. Рыбаки заспались, примолкли; стало меньше слышно шуток и смеха.

Правда, дело было не столько в погоде, сколько в неудаче, которая неотступно преследовала бригаду всё нынешнее лето. Никто в рыболовецком колхозе «Полярник» не сдавал в прошлые путины так много рыбы, как бригада Шадрина, а нынче ей «нету фарту», как говорит Васюткин дедушка Афанасий.

Всё ниже по Енисею спускается бригада Васюткиного отца в поисках рыбы, но уловы попрежнему малы — вот и упало настроение у рыбаков.

Но налетела «верховка» и точно разгладила обветренные суровые лица людей. Одна за другой скользят вниз по реке лодки с упруго надутыми парусами, зарываясь носами в зыбкие, суетливые волны. На передних лодках слышны смех и песни. Отражения облаков в воде, редко разбросанных по небу, не отстают от лодок, гонятся за ними.

Васютка лежит на мягком неводе, брошенном на дно лодки, и смотрит в небо; дедушка сидит на корме за рулем и наговаривает:

— Она, рыбка, как говорится, плавает по дну, но мы её сыщем и достанем оттудова. Ведь колхоз наш ловит рыбу для рабочего человека, для города. В колхозе есть план, без плану ноне ни на шаг. А если рыбы не наловить — и не похлебать рабочему человеку ухи, сила у него уже не та будет, значит, и тут план нарушается... Слышь, Васютка, чего я говорю?

— Слы-ышу, — лениво отзывается Васютка и недоверчиво косится на деда Афанасия. Его до глубины души удивляет непостоянство дедушкиных суждений. Ещё вчера, когда моросил дождь, дедушка сидел, чинил сети и всячески поносил эти самые планы. Бубнил о том, что, мол, раньше жили, как бог прикажет, и рыба тучами ходила. А нынче установили планы. Ворчал, что катера, моторки да пароходы распугали рыбу, и что, мол, наступят такие времена, когда ерши и те все переведутся, а об омуле, стерляди и осетре только в книжках придётся читать...

Разубеждать дедушку было делом бесполезным, поэтому никто с ним не связывался. А сегодня дедушка вдруг стал рассуждать совсем по-иному, и Васютка подзадоривал его:

— А как же, дедушка, насчёт светопреставления, о котором говорил, скоро оно будет по твоим приметам?

Но дедушку на слове трудно поймать.

— Светопреставление-то? — Дедушка Афанасий чешет за ухом, хитро прищуривается: — По моим приметам случиться оно может после осенней путины. Будет собранье отчётное, приедет начальство. Если мы рыбки сколь потребно не добудем, надаёт оно по шапке председателю колхоза и Гришке нашему, и всем бригадирам, и многие из них могут очень даже просто из бригадиров слететь, а председатель с кормы обратно за вёсла сядет... — вот тебе и светопреставление.

— Будет вам болтать-то, — сердито прерывает дедушку Васюткина мать, Анна Ильинична, сухощавая женщина с обветренным лицом и сильными руками. — Ладно Григорий не в нашей лодке плывёт, не слышит этих разговоров, а то бы показал он вам, как чесать языки попусту. Сошлись старый да малый.

Дедушка делает вид, что очень занят управлением лодкой и ничего не слышит. Через минуту он снова принимается бормотать, а Васютка закрывает глаза. Лодку покачивает на волнах, и кажется ему, будто он в люльке...

Васютка проснулся от толчка — лодка ткнулась в берег. Отец в высоких резиновых сапогах с отвёрнутыми голенищами ходил и отдавал распоряжения. Скуластое лицо его было озабочено, тёмные брови плотно сошлись.

Васютка немного робел перед своим большим, неразговорчивым отцом, хотя тот был с ним ласков, как ни с кем, и его никогда не обижал. Васютка давно приметил, что рыбаки и даже дедушка Афанасий никогда отцу не перечат и уважают его.

Когда лодки были вытащены на сушу, а багаж унесён в избушку, построенную несколько лет назад научной экспедицией, изучавшей Заполярье, отец сказал:

— Шабаш, товарищи! Больше кочевать не будем. Так без толку можно и до Карского моря дойти. Станем ждать рыбу здесь. Место хорошее, изба есть добрая, можно пока рыбачить паромами и перемётами, а неводы готовить к большому ходу рыбы...

• • •

Потянулись однообразные дни. Закинули рыбаки перемёты, поставили вдаль от берега спаренные сети — паромы. Раз в сутки рыбаки осматривали эти ловушки, а остальное время занимались другими де-

лами: чинили неводы, конопатили лодки, изготавливали якорницы.

Правда, рыба попадалась ценная: осётр, стерлядь, таймень, часто — налим или, как его в шутку называют в Сибири, — поселенец. Но это был спокойный лов. Не было в нём того азарта и веселья, той лихости и сноровки, которые бьют ключом во время большого хода рыбы, когда полукилометровым неводом за одну лишь тоню * ее вытаскивают по несколько центнеров.

Что и говорить, скучное житьё началось для Васютки. От деревни уплыли далеко, товарищей нет. Утешало его одно: скоро возобновятся занятия в школе, и мать с отцом отправят его в деревню. Дядя Коляда — старшина рыбосборочного бота — привёз из города Васютке новые учебники для шестого класса. Днём Васютка, скучая, смотрел в них картинки, кое-что читал. Вечером в избушке становилосьлюдно и шумно. Рыбаки ужинали, курили, рассказывали всякие были и небылицы, щёлкали кедровые орехи. К утру на полу обычно — слой ореховой скорлупы толщиной в палец. Придёт кто-нибудь в сапогах — шелуха трещит, как осенний ледок на лужах.

Орехи поставлял рыбакам Васютка. Ближние кедровые орехи он уже опустошил и ходил теперь всё дальше и дальше.

Васютка вырос в тайге, у реки. Лес его не страшил. Ходил он себе по лесу, напевал, иногда стрелял из ружья. Если патрон зря тратил, и дедушка узнавал об этом, — доставалось Васютке здорово, а отец глядел на него так, что спине холодно становилось. Не любили отец и дедушка, когда попусту стреляли.

Сегодня Васютка проснулся поздно. В избушке была одна мать. Дедушка Афанасий ушёл куда-то. Васютка поел, полистал учебники. Оборвав листок

*Тоня — одна закладка невода.

календаря, с радостью отметил, что до первого сентября осталось всего десять дней, и собрался за шишками. Мать недовольно сказала:

— К учёбе надо готовиться, а ты по лесу бродишь.

— Чего ты, мамка, ворчишь? Орехи кто-то должен добывать? Охота ведь рыбакам пощёлкать вечером.

— Охота, охота... Надо орехов, так пусть сами ходят.

Когда Васютка с ружьём за плечами, подпоясанный патронташем, похожий на маленького коренастого мужичка, вышел из избышки, мать привычным строгим тоном наказала:

— Ты от затесей далеко не уходи — сгинешь. Хлеба взял ли с собой?

— Да зачем он мне? Каждый раз обратно приношу.

— Не разговаривай! На вот краюшку и спички.

Тут уж с матерью не поспоришь. Таков закон тайги: идёшь в лес — бери еду, бери спички. Васютка покорно сунул краюшку хлеба в мешок и поспешил уйти.

Весело насвистывая, Васютка шёл по тайге, следил глазами за пометками на деревьях и думал о том, что, наверное, всякая лесная дорога начинается с затесей. Пройдёт человек — сделает топором пометки на деревьях, пройдёт дальше — ещё зарубки сделает, потом ещё. Всё дальше и дальше в лес станут проникать эти первые человеческие приметы. Пользуясь ими, пройдут другие люди, проедут на лошадях или оленях, и постепенно тропка станет дорогой.

Васютка ещё долго размышлял бы о дороге и всяких других таёжных секретах, если бы не скрипучее кряканье где-то над головой, которое вывело его из задумчивости.

— Кра-кра-кра! — неслоь сверху, будто кто-то водил тупой пилой по крепкому суку.

Васютка поднял голову и увидел на самой вершине старой взлохмаченной ели кедровку. Птица держала в когтях принесённую с кедра шишку и кричала. С соседних деревьев её откликались горластые подруги. Васютка не любил этих нахальных птиц, уничтожающих несметное количество кедровых орехов. Он снял с плеча ружьё, но, вспомнив наказ дедушки — попусту не палить — опять закинул его за спину.

— Кря-кря! — с досадой передразнил мальчик кедровку и запустил в неё палкой.

Ноги Васютки мягко ступали по седому мху; на нём там и сям валялись шишки, обработанные кедровками. Они напоминали комочки сотов; в некоторых отверстиях шишек, как пчёлки, торчали оставшиеся орехи. Эти орехи бесполезно вытаскивать и пробовать. Удивительно чуткий клюв у кедровки: пустые орехи птица даже не вытаскивает из гнёздышек. Из многих шишек, разбросанных на земле, было взято всего по два-три ореха. Это значит, кедровку либо спугнули, либо она полетела на зов своих подруг.

Наконец, Васютка облюбывал себе кедр и полез на него. Снизу казалось, что шишек на дереве мало. Но Васютка намётанным глазом сразу определил, что там, в густой хвое, прятались выводками смолистые шишки.

Предположения Васютки оправдались. Мальчик принялся ударять по ветвям ногой, и мягкие лапы кедра, державшие всё лето под солнцем крупные шишки, начали покорно ронять их. Шишки вперегонки сыпались вниз, а ветви, освобождаясь от тяжкого груза, благодарно кланялись Васютке. Минут через десять он уже молотил ногами по ветвям соседнего дерева.

Потом собрал все шишки в мешок, огляделся и приметил неподалёку ещё один кедр, густо увешанный спелыми плодами.

«Обобью и этот, — решил он. — Тяжеловато будет, пожалуй, да ничего, донесу. Пусть рыбаки щёлкают орехи, сколько душе угодно».

Вдруг впереди Васютки что-то сильно захлопало. Он вздрогнул от неожиданности и тут же увидел поднимающуюся с земли большую чёрную птицу. «Глухарь!» — догадался Васютка. Сердце у него замерло.

Глухарь перелетел через мшистую поляну, вильнул между деревьями и сел на сухостоину. Подкрасться незаметно было невозможно. С высокого голого дерева птица отлично видела вокруг.

Васютка не однажды промышлял уток, куликов и куропаток, но подстрелить глухаря ему ещё не доводилось. Из рассказов знакомых охотников он много слышался об этой сильной и осторожной птице.

Мальчик всё ещё стоял на том месте, с которого поднял глухаря, и не спускал глаз с большого тёмного пятна, видневшегося на высохшей ели. Тут Васютка вспомнил, что глухаря часто берут с собакой. Об этом рассказывали охотники.

Глухарь, сидя на дереве, с любопытством смотрит на заливающуюся внизу собаку, а порой и поддразнивает её. Тем временем охотник незаметно подходит с тыла и стреляет.

Васютка в душе ругал себя, что не взял собаку Дружка. Эх, если бы он был здесь!

Почти неожиданно для себя Васютка упал на четвереньки, затаивал по-собачьи и стал осторожно продвигаться вперёд. Голос у него от волнения прерывался, лаял он неважно, но продолжал подкрадываться к глухарю, который замер на дереве, с любопытством уставясь на странную собаку.

Недаром говорят, что охота пуше неволи. На какие только жертвы и лишения не идёт охотник ради того, чтобы подстрелить птицу!

Васютка расцарапал себе лицо, порвал тело-

грейку, но ничего этого не замечал. Перед ним была невиданная ещё птица — глухарь!

...Пора! Васютка быстро встал на одно колено и попытался смаху посадить на пляшущую мушку забеспокоившуюся птицу. Какой-то, только охотникам присущей, властью он унял наконец дрожь в руках. Мушка перестала плясать, кончик её задел глухаря... Тр-рах! И чёрная птица, хлопая крыльями, повалилась вниз. Не коснувшись земли, она вдруг выправилась и полетела вглубь леса. Мальчик с тоской и растерянностью смотрел ей вслед.

Но зот птица, словно наткнувшись на препятствие, грузно упала в мох. «Ранил!» — встрепенулся Васютка и бросился к подбитому глухарю. Теперь мальчик всё понял.

«Не перезарядил ружьё! Эх, растяпа! Мелкой дробью ударил. А мелкой-то разве убьёшь такого. Вон он какой, чуть не с Дружка», — ругал себя за оплошность Васютка.

Птица уходила небольшими перелётами. Они становились всё короче и короче. Глухарь явно слабел. Наступил момент, когда он не смог уже поднять в воздух своё грузное раненое тело и побежал по мху.

«Теперь всё! Догоню», — уверенно решил Васютка и припустил сильнее. Он хотел, было, для облегчения бросить мешок с шишками, но раздумал, побоявшись потерять его. Наконец Васютка оказался совсем неподалёку от птицы. Он быстро скинул с плеч мешок, поднял ружьё и выстрелил. В несколько прыжков Васютка очутился около бьющегося в судорогах глухаря и упал на него грудью.

— Стоп, голубчик! Стоп! — радостно бормотал Васютка. — Не уйдёшь теперь. Ишь, какой прыткий! Я, брат, тоже бегаю будь здоров!

Когда волнение улеглось, мальчуган вволю налюбовался красивой птицей, чёрные перья которой

отливали зеленоватым блеском. Потом положил её в мешок. Жалел Васютка только об одном, — что не сможет, на зависть ребятам, пройти по деревне с глухарём. Но он был уверен, что рыбаки с удивлением будут спрашивать его и хвалить, как настоящего охотника.

Думая о своей удаче, Васютка, счастливый, шёл по лесу, насвистывал, пел, что приходило на ум. Вдруг он спохватился:

— Где же затеси? Пора уж им быть.

Он осмотрелся кругом. Деревья ничем не отличались от тех, на которых были сделаны затеси. Лес стоял неподвижно, тихий в своей унылой задумчивости, — такой же редкий, полуголый, сплошь хвойный. Только кое-где виднелись хилые берёзки с жёлтыми листьями. Да, лес был такой же. И все-таки от него веяло чем-то чужим, пугающим...

Васютка круто повернул назад. Шёл он * быстро, внимательно присматриваясь к каждому дереву, но знакомых зарубок не было видно. На лбу мальчика выступила испарина.

— Ф-фу ты! Где же затеси?

Сердце сжалось. По спине пополз холодок.

— Всё это глухарина бородатый! Понёсся, как леший, теперь вот думай, куда идти, — заговорил вслух Васютка, чтобы отогнать подступивший страх. — Ничего, сейчас найду дорогу. Та-ак. Где север? Где юг? Почти голая сторона ели, — значит, в эту сторону север, а где ветвей больше — юг. Та-ак. Порядок! Главнос — сориентироваться, а остальное пустяк. Теперь надо вспомнить, на какой стороне старые затеси, и на какой новые, которые делали мы с папкой. На северной или на южной? Или...

Вот этого-то Васютка и не заметил. Затеси и затеси. Остальное его мало интересовало.

Васютка пошёл вперёд, но сомнения грызли его.

Внезапно он встал, как вкопанный, и шлёпнул себя ладонью по лбу:

— Куда это меня несёт? Ведь кедр, который стоит под окном нашей избушки, голый с той стороны, где Енисей, значит, там север. Новые зарубки с северной стороны на деревьях сделаны, а с южной — старые. Как это я забыл! Сам же лазал на этот кедр, ещё штаны порвал...

Васютка облегчённо вздохнул, высыпал из мешка половину шишек, с улыбкой погладил глухаря, ещё раз взвесил его на руке. «Килограммов пять будет, а то и полпуда!» — решил он и, круто повернув, зашагал в противоположную сторону. Но затесей всё не было и не было. Порой мальчику казалось, что он ясно видит желанную пометку на темном стволе. С замирающим сердцем бежал он к дереву, чтобы пощупать рукой спасительную зарубку с капельками выступившей наружу смолы, но вместо неё обнаруживал шершавую складку коры. Ещё несколько раз менял Васютка направление, высыпал из мешка все шишки, шагал и шагал...

В лесу уже было сумрачно. Васютка остановился и долго стоял, прислушиваясь. Сердце его стучало часто и сильно.

Васютка понял, что заблудился. Мысль эта была настолько проста и потрясающа, что он некоторое время был ею подавлен и словно парализован.

Васютка много раз слышал от взрослых страшные рассказы о том, как блуждают люди в лесу, как иногда погибают, не найдя дороги. Но представлял он себе это совсем не так. Уж очень просто всё получилось. Васютка ещё не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто. Оцепенение, напавшее на него, длилось до тех пор, пока он не услышал какой-то таинственный шорох в глубине

потемневшего леса. Он вскрикнул и бросился бежать, уже не разбирая дороги...

Сколько раз он спотыкался, падал, вставал и снова бежал — Васютка не знал. Наконец он заскочил в бурелом и начал с треском продираться сквозь сухие, колючие ветви. Потом свалился вниз лицом с валежины в мох и замер. Отчаяние напало на него, и сразу не стало сил. «Будь, что будет», — почти равнодушно подумал Васютка.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с нею — и холод. Васютка почувствовал, как стынет на нем взмокшая от пота одежда. Он приподнялся и сел.

«Кормилица, тайга наша, хлибких не любит, — вспомнились ему слова отца и дедушки. — Раскиснешь — пропадёшь, голову потеряешь — тоже пропадёшь».

«Надо взять себя в руки», — подумал Васютка и стал припоминать всё, чему учили его отец, дедушка, знакомые рыбаки и охотники.

В первую очередь надо развести огонь. Хорошо, что спички из дома захватил. Пригодились спички!

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева, ощупью сорвал пучок сухого мха, искрошил мелко сучки, сложил всё в кучу и поджёг. Робкие язычки пламени, покачиваясь, неуверенно поползли по сучкам; вспыхнул мох. Вокруг посветлело. Васютка подбросил ещё веток — темнота отступила дальше. Между деревьями зашарахались фантастические тени. На огонь, однотонно зудя, налетело несколько комаров. Стало веселее. Надо было запастись на ночь дровами, и Васютка, не щадя рук, ломал сучья, приволок сухую валежину, выворотил старый пень. Теперь следовало поесть и хорошо отдохнуть, чтобы успокоились нервы. Вытащив из мешка краюшку хлеба, мальчуган вздохнул и с тоской подумал: «Плачет, поди, мамка». Ему

вдруг нестерпимо захотелось плакать, но он переборол себя и начал перочинным ножиком потрошить глухаря.

Затем Васютка сгрёб костёр в сторону, выкопал на горячем месте ямку, положил птицу туда, плотно закрыл мохом, присыпал горячей землёй, золой, углями, сверху положил пылающие головни и подбросил дров.

Примерно через час он раскопал глухаря. От птицы шел пар и вкусный запах. Глухарь упрел в собственном соку. У охотников это считается лакомым блюдом.

Васютка взял краюшку хлеба. Её легко можно было съесть сразу, но он не стал этого делать, а отрезал лишь тоненький ломтик. Как ни мучил Васютку голод, он всё-таки с трудом ел мясо без соли. «Эх, сколько этой соли в бочках на берегу стоит, мимо каждый день проходил, что стоило горстку сыпануть в карман». — укорял он себя. Потом вспомнил, что мешок, который он взял для шишек, был из-под соли, и торопливо вывернул его. В уголках мешка он насобирал щепотку грязных кристалликов, раздавил их на прикладе ружья и невесело улыбнулся:

— Живём!

Пужинав, Васютка сложил остатки хлеба и птицы в мешок и повесил его на сук, чтобы мыши или кто-нибудь ещё не добрались до скудных запасов. Потом принялся готовить место для ночлега.

Даже жарким летом земля в полярной тайге оттаивает только на полметра, местами на метр, а дальше — вечная мерзлота. В августе спать на земле не только холодно, но и опасно для здоровья. Васютка об этом знал. Он перенёс в сторону костёр, убрал все угольки, разгрёб пепелище, набросал веток с хвоей, моху и лёг, накрывшись телогрейкой. Снизу пригревало, будто от русской печи.

Занятый хлопотами, Васютка не так остро чувствовал одиночество. Страх на время пропал. Но стоило

лечь и задуматься, как неясная тревога начала одолевать его с новой силой.

Заполярная тайга не страшна зверем. Медведь здесь редкий житель. Волков нет, змей — тоже. Бывает, встречаются рыси да бродят блудливые песцы. Но осенью для них в лесу много корма и едва ли они могли польститься на Васюткины съестные припасы. И всё-таки было жутко. Он зарядил свою одноствольную переломку картечью, взвёл курок и, положив её рядом с собой, закрыл глаза. Спать!

Не прошло и пяти минут, как Васютка почувствовал, что к нему кто-то крадётся. Он открыл глаза и замер. Да! Крадётся! Шаг, второй, шорох, вздох... Кто-то идёт медленно и осторожно по мху. Васютка боязливо поворачивает голову в сторону шорохов и видит неподалёку от костра что-то тёмное, большое. Сейчас оно стоит, не шевелится. Мальчик напряжённо вглядывается и начинает различать поднятые к небу не то руки, не то лапы. Васютка не дышит и с ужасом думает: «Что это?» В глазах рябит от напряжения. Нет больше сил сдерживать дыхание. И тогда, вскакивая, он направляет ружьё на тёмный силуэт:

— Кто такой? А ну подходи, или как вот садану картечью!

В ответ — ни звука. Васютка ещё некоторое время стоит неподвижно, потом медленно опускает ружьё и облизывает пересохшие губы. «В самом деле, что там может быть?» — мучается он и ещё раз кричит:

— Я говорю, не прячься, а то хуже будет!

Тишина. Васютка рукавом вытирает пот со лба и, набравшись храбрости, решительно направляется к тёмному призраку.

— О-ох, окаянный! — облегчённо вздыхает Васютка, увидев перед собой огромный корень упавшего дерева. — Ну, и трус же, чуть ума не лишился!

Чтобы окончательно успокоиться, он отламывает отросток от корневища и несёт его с собой к костру...

Короткая августовская ночь подходит к концу. Густая, как смола, темень, обступившая костёр, начала редеть, уходит вглубь леса. Стало ещё холоднее. Комары, надоедавшие всю ночь, куда-то исчезли. Ни дуненья, ни шороха. Всё замерло, ожидая первого утреннего звука. Что это будет за звук, — неизвестно. Может быть, робкий свист пичужки или лёгкий порыв ветра, прошумевшего в вершинах елей. Может быть, застучит по дереву дятел или протрубит дикий олень? Кто-то первый разбудит замершую в ожидании тайгу.

Темнота всё редет и редет. Не успевает она ещё совсем рассеяться, как на смену ей начинает наползать белый туман. Костёр шипит, пощёлкивает, чихает, словно сердится на волглую пелену, окутавшую всё окрест. Васютка зябко ёжится, подвигается ближе к огню и неожиданно быстро и крепко засыпает, так и не дождавшись первого утреннего звука...

* * *

Солнце уже было высоко, роса пала на деревья, на землю. Водяная пыль искрилась и переливалась, подобно стеклянным крупинкам. «Где это я?» — изумлённо подумал Васютка и, окончательно проснувшись, услышал, как по всей тайге озабоченно кричали кедровки. Где-то по-детски заплакала желна; над головой Васютки, хлопотливо попискивая, возились на старом дереве синицы. Васютка зевнул, встал, потягиваясь, и спугнул кормившуюся белку. Она, всполошенно цокая, пронеслась вверх по стволу ели, на которой висел Васюткин мешок, села на ветку, не переставая цокать, усталилась чёрными бусинками на Васютку.

— Ну, чего смотришь? Не узнала? — с улыбкой

сказал Васютка. Белка зацокала сильнее, наострила ушки и пошевелила пушистым хвостом. — А я вот заблудился. Понёсся сдуру за глухарём и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревёт. Не понимаешь ты ничего, толкуй с тобой! А то бы сбегала, сказала нашим, где я, ты вон какая проворная. — Он помолчал и махнул на белку рукой: — Убирайся давай, рыжая, сейчас стрелять буду.

Васютка вскинул ружьё и выстрелил в воздух. Белка, будто пушинка, подхваченная ветром, метнулась на другую лесину и, мелькая, пошла считать деревья. Проводив её взглядом, он выстрелил ещё раз и долго ждал отзыва. Тайга не откликнулась. Попрежнему вразной, надоедливо кричали кедровки, трудился неподалёку дятел, попискивали синицы, жаловалась желна...

Патронов осталось десять штук. Больше Васютка стрелять не решился. Он снял телогрейку, сбросил на неё кепку и, поплевав на руки, полез по сучьям на дерево.

Тайга.. Тайга. Без конца и края тянется она во все стороны, молчаливая, равнодушная. В Заполярье нет гор, поэтому с высоты тайга кажется огромным тёмным морем. Небо не обрывается сразу, как это бывает в горах, а тянется далеко, далеко, всё ближе прижимаясь к вершинам леса. Облака над головой редкие, но чем дальше смотрит Васютка, тем гуще они, и, наконец, голубые прорехи исчезают совсем. Словно прессованная вата, облака ложатся на тайгу, и она растворяется в них.

Долго Васютка отыскивал глазами жёлтую борозду среди этого неподвижного зелёного моря: по берегам рек должны тянуться полосы лиственного леса. Но не было видно жёлтых полос. Даже Енисей затерялся среди безбрежного таёжного моря. Только кое-где виднелись жёлтые плешинки — кустарники вокруг озёр.

Маленьким и беззащитным почувствовал себя Васютка. Медленно спустился он с дерева, сел, задумался, да так и просидел с полчаса. Потом, будто проснувшись, встряхнулся, оторвал кусок мяса от глухаря и, стараясь не смотреть на маленькую краюшку хлеба, принялся жевать. Собрал десятка два кедровых шишек, размял их, наполнил карманы орехами. Руки делали своё дело, а в голове Васютки решался один единственный вопрос: «Куда идти?»

Наконец, он забросил мешок на плечо, постоял с минуту, тяжело вздохнул, как бы прощаясь с обжитым местом, и пошёл строго на север. Рассудил Васютка просто: в южную сторону тайга тянется на тысячи километров, в ней затеряешься окончательно, а если идти на север, то через сто-двести километров лес кончится, начнётся тундра. Васютка понимал, что выйти в тундру,— это ещё не значит найти дорогу домой. Поселения там очень редки, и едва ли скоро наткнёшься на людей. Но ему так хотелось выбраться из этой мрачной тайги, что он рад был попасть хоть в тундру.

Утешало его только одно — хорошая погода. Васютка боялся подумать о том, что будет с ним, если осень по-настоящему возьмётся за свои дела. По всем признакам ждать этого осталось недолго.

Солнце клонилось к вечеру, когда Васютка заметил среди мха побеги травы. Он прибавил шаг. Трава стала попадаться чаще, уже не отдельными былинками, а пучками. Сердце у Васютки забило от волнения. Трава растёт обычно вблизи больших водоёмов. Неужели впереди Енисей? Васютка пустился бежать. Не помня себя от радости, он ворвался в густые заросли черёмушника, ольховника и смородинника. Лицо и руки его жалила высокая крапива, но он не обращал на это внимания и, защищая рукой глаза от

гибких ветвей, с треском продирался вперёд. Между кустов мелькнул просвет.

Впереди берег! Вода! Не веря своим глазам, Васютка остановился. Так он простоял некоторое время и почувствовал, что ноги его вязнут. Болото! Глаза Васютки в страхе расширились. Болота чаще всего бывают у берегов озёр.

Нет! Неправда! Бывают болота и около Енисея. Вперёд! Несколько прыжков сквозь чащу, крапиву, кусты... И вот он на берегу. Нет, это был не Енисей. Перед взором Васютки расстилалось небольшое озеро.

Васютка лёг на живот и жадно припал к воде. Потом медленно сел, усталым движением снял мешок, начал было вытирать кепкой пот с лица и вдруг, вцепившись в неё зубами, навзрыд расплакался.

* * *

Заночевать Васютка решил на берегу озера. Надо было заранее хорошо подготовиться к ночлегу.

Он выбрал место посуше, натаскал много дров, развёл огонь. С огоньком всегда веселее, а в одиночестве — особенно. Обжарив в костре шишки, Васютка выкатил их, одну за другой, палочкой, как печёную картошку. От множества съеденных орехов болел язык, но он решил: пока хватит терпения, не трогать хлеба, а питаться орехами, мясом, — чем придётся.

На землю опускался вечер. Озеро стало необычайно красивым. Васютка залюбовался им. Мрачные мысли, одолевавшие его, на время рассеялись. Сквозь густые прибрежные заросли на воду падали отблески багрового заката, тянулись живыми струями в глубину и терялись там, не достигая дна. Кругом, прощаясь с солнцем, заливалось, чирикало и свистало на все лады пернатое племя. У озера было куда веселее, чем в тайге. Но здесь было много комаров, они начали

донимать Васютку. Отмахиваясь от них, мальчик внимательно следил за ныряющими на озере утками. Они были совсем не пуганы и доверчиво проплывали возле самого берега с хозяйским побрякиванием.

Уток плавало множество. Стрелять по одной не было никакого расчёта. Васютка, прихватив ружьё, отправился на мысок, вдававшийся в озеро, и сел в траву. Рядом с осокой на гладкой поверхности воды то и дело расплывались круги. Это привлекло внимание мальчика. Он глянул в воду и замер: около травы плотно, одна к другой, пошевеливая плавниками и хвостами, копошилась рыба. Было её так много, что Васютку взяло сомнение: «Водоросли, наверно?» Он потрогал траву палкой. Косяки рыбы подались от берега и снова остановились, лениво работая плавниками.

Столько рыбы Васютка ещё никогда не видел. То была не просто какая-нибудь озёрная рыба: щука, сомага или окунь. Нет. По широким спинам и белым бокам он узнал пелядок, чиров, сиров. Это было удивительнее всего. В озере — белая рыба?

«Вот здесь не пришлось бы зря сетями воду цедить, — подумал Васютка. — Наших бы рыбаков сюда!»

Внезапная догадка встревожила Васютку. Он сдвинул свои густые, сросшиеся брови, силясь что-то припомнить, но в этот момент табун уток — связей — отвлек его от размышлений. Он подождал, пока утки поровняются с мысом, и выстрелил. Две нарядные связи опрокинулись кверху брюшками и часто-часто задвигали лапками, точно хотели кого-то оцарапать. Ещё одна, оттопырив крыло, боком уплывала от берега, остальные с шумом поднялись и полетели на другую сторону озера. Минут десять над водой носились табуны испуганных птиц, отовсюду слышалось кряканье.

Пару подбитых уток Васютка достал длинной палкой, а третья успела далеко уплыть.

— Ладно, завтра достану, — махнул рукой Васютка.

Он ощипал уток, положил их в ямку под костром, лёг вверх лицом и начал щёлкать орехи. Заря догорела. В потемневшем небе стыли редкие неподвижные облака. Скоро выпали звёзды; показалась маленькая, похожая на ноготок, луна; стало светлее. Васютка вспомнил слова дедушки: «Вызвездило — к холоду!» — и на душе у мальчика сделалось тревожно. Чтобы отогнать мрачные мысли, Васютка стал думать о доме, родных, товарищах.

Васютка дальше Енисея нигде пока не бывал и видел только один город — Игарку. Свою страну он знал лишь по карте да по рассказам учительницы Ольги Фёдоровны. Но не беда, что он никуда далеко не ездил! Он успеет ещё — всё у него впереди. Но в мечтах Васютка путешествовал уже и там, где растут яблоки, груши, виноград, и там, где цветёт хлопок, из которого делают одежду. Видимо, уж так в жизни заведено: южного человека тянет взглянуть на север, северянина манит на юг.

Как многие ребята, больше всего Васютка хотел побывать в Москве. О ней часто рассказывала Ольга Фёдоровна. Врать она, конечно, не станет. Васютка верил всему, что говорила учительница. Да и сам он в кино не раз видел подземное красивое метро, где такие лестницы, что даже ног не надо переставлять.

Многое хотелось узнать и повидать Васютке в жизни. Узнает ли? Выберется ли из этой тёмной тайги? Затерялся Васютка, точно песчинка в ней. А что теперь дома? Мать, конечно, плачет, а отец ходит с товарищами по лесу, разыскивает его.

Ольга Фёдоровна и все учителя сейчас, наверно, готовятся встречать учеников. А над школьными

дверями уже вывешен новый красный плакат, на котором написано: «Добро пожаловать!»

Совсем приуныл Васютка, вспомнив про родных и школу. Жалко ему себя стало.

Устал Васютка за день, но не шёл к нему сон: страх и беспокойные мысли одолевали его. Он подбросил дров в костёр, снова лёг на спину. Далёкие и таинственные, похожие на крошечные электрические лампочки, перемигивались звёзды, словно звали куда-то. Вот одна из них ярким головастиком понеслась вниз, рассекая тёмное небо, и потухла. «Погасла звёздочка, — значит, жизнь чья-то оборвалась», — вспомнились слова дедушки Афанасия.

Грустно стало Васютке. Он натянул на лицо телогрейку и вскоре забылся чутким, беспокойным сном.

* * *

Он чувствует на своём лице яркие, но не горячие лучи солнца, веки его вздрагивают, размыкаются. Над водой ещё курится туман. В нём, словно в паутине, копошатся утки, деловито покрякивая. То и дело слышатся громкие шлепки и всплески—это играет и кормится рыба. И Васютка ещё раз убеждается — рыбы здесь уйма. Приподняв голову, он обшаривает глазами, припухшими от комариных укусов, озеро, берег — и дух у него захватывает: метрах в ста от него стоит олень и пьёт воду. Вот он поднял голову с причудливыми кустами рогов, насторожил уши и замер. Чуткие ноздри вздрагивают, втягивая воздух, с мягких губ, будто светлые шарики ртути, падают капли воды. Олень долго стоит, ловя своим изумительно тонким слухом лесные звуки, готовый в любой миг ринуться в кусты. Потом опять склоняется к воде.

Васютка тихонько поворачивается. Олень вскидывает голову, замечает человека, на миг застывает в испуге и, точно подброшенный сильными пружинами,

делает прыжок. Секунда — и где-то уже в глубине леса слышатся замирающие щелчки копыт.

— Глупый ты, олешек, — улыбаясь, говорит Васютка. — Удрал! Пил бы спокойно, не обидел бы тебя, у меня и пуль-то с собой нет...

Васютка пожевал мяса, закусил смородиной и пошёл вдоль озера. Вчерашней убитой утки он на воде не обнаружил, и решил, что её или утащил коршун или съели водяные крысы.

Васютке казалось, что там, где смыкаются вдали берега, и есть конец озера, но ошибся. Тут был лишь перешеек. Глазам мальчика предстал очень широкий, мало заросший травой водоём. А то озерцо, у которого ночевал Васютка, было всего-навсего заливом — пальцем широкой ладони.

— Вот это да-а! — ахнул Васютка. — Вот где рыбищи-то, наверно? Выбраться бы, рассказать нашим... — Он крепко сжал кулаки.

Тут Васютка заметил небольшой комочек, плавающий у перешейка. Подошёл ближе и увидел убитую утку. «Неужели моя? — подумал он. — Как же её принесло сюда?» Он быстро выломил палку и подгрёб птицу к себе. Да, это была утка-связь с раскрашенной в вишнёвый цвет головой.

— Моя! Моя! — радостно воскликнул Васютка, кладя утку в мешок. — Моя уточка! Но почему её отнесло сюда? Ветра не было, значит, озеро проточное, в нём есть течение.

Васютка, озарённый догадкой, в которую ещё боялся верить, торопливо переступая с кочки на кочку, через валежник и бурелом, пошёл вперёд, вдоль озера. Чего бы ни отдал он сейчас за то, чтоб предположение его оправдалось!

Поднялся ветер. Глухо зашумела тайга. Шум нарастал, усиливался. Качнулись, заскрипели отжившие свой век сухие деревья. Над озером, словно стаи

разноцветных птичек, закружились поднятые с земли листья. Застонали гагары, предвещая непогоду; озеро подёрнулось морщинами; тени на воде заколебались; облака прикрыли солнце. Вокруг стало хмуро, неуютно. По озеру пошли волны с большими гребнями.

Но с тех пор, как Васютка заметил впереди уходящую в глубь леса жёлтую бороздку, он перестал думать о ветре и непогоде. В горле у Васютки пересохло, но он шёл всё быстрее и быстрее. Он боялся даже остановиться попить: а вдруг наклонится к воде, поднимется — и не увидит впереди спасительной бороздки. Васютка уже ясно видел, что бороздка, жёлтым клином лиственного леса далеко ведущая вглубь тайги, — не что иное, как речушка, но боялся всё же поверить в это. «Да нет, не речка это. Опять какая-нибудь кишка озёрная», — недоверчиво размышлял он.

Когда он пробежал почти с километр по едва приметному берегу, заросшему камышом, хвощом, осокой, мелким уродливым кустарником, и когда заросли сошли на нет, а вместо них появились невысокие обрывистые берега, Васютка остановился и перевёл дух. Теперь сомнений не могло быть: это речка.

Легче стало на душе у Васютки. Правда, он знал, что подобные речушки могут впадать в другое озеро, не в Енисей. Но он отгонял от себя эту мысль. Речка должна привести его к Енисею, иначе... иначе он обессилеет и пропадёт. Тем более, что патронов осталось несколько штук.

С ветром пришёл дождь. Васютка быстро промок, идти стало тяжелее. Он заметил разлапистую пихту, которая привольно разрослась среди мелкого осинника, и залез под неё. Не было ни желания, ни сил разводить огонь. Хотелось есть и спать. Он отковырнул маленький кусочек от чёрствой краюшки и, чтобы продлить удовольствие, не проглотил его сразу, а начал сосать. Есть захотелось ещё сильнее. Васютка

выхватил краюшку из мешка, вцепился в неё зубами и, плохо прожёвывая, съел всю.

От сильных порывов ветра пихта качалась, стряхивая за васюткин воротник холодные капли воды. Васютка скорчился, втянул голову в плечи. Веки его сами собой начали смыкаться, будто подвесили к ним тяжёлые грузила, какие привязывают к рыболовным снастям...

Дождь сеял и на рассвете. Стуча зубами, промокший Васютка вылез из-под защиты ветвей, подышал на озябшие руки и принялся искать сухие дрова. Осинник за ночь разделся почти донага. Будто тоненькие пластики свёклы, лежали на земле мокрые тёмно-красные листья. Вода в речке заметно прибыла. Лесная жизнь затихла. Даже кедровки и те не подавали голоса. Осень размашистым шагом пошла по Заполярью.

Прикрыв телом кучку сучьев и лоскуток берёсты, Васютка полез за пазуху. Спичек осталось четыре штуки. Не дыша, он чиркнул о коробок, дал огню разгореться между ладонями и поднёс к берёсте. Она начала корчиться, свернулась в трубочку и вспыхнула.

Греясь у огня, Васютка вдруг уловил тонкий звук, похожий на комариный писк, и замер. Через секунду звук повторился: сначала протяжно, потом несколько раз коротко.

— Гудок! Пароход гудит!—вскрикнул Васютка.— Но почему он слышится оттуда, откуда я иду? А-а, понятно.

Васютка знал эти фокусы тайги. Гудок всегда откликается на ближнем большом водоёме, поэтому Васютка услышал звук с озера, так как оно ближе к нему, чем Енисей. А что гудит пароход на Енисее — в этом Васютка был уверен. Скорей, скорей бежать туда! Впервые за несколько дней, показавшихся Васютке месяцами, он услышал посторонний, не

таёжный звук. И так обрадовался ему, так заторопился, будто у него был билет на этот самый пароход, идущий рейсом где-то на просторах могучей реки.

«Если речка вся ходовая, — рассуждал про себя Васютка, быстро шагая по берегу, — можно будет подняться на лодках и добраться до озёрной рыбы. Что ты тогда, дедушка, скажешь насчёт плана?»

В полдень Васютка поднял с речки табун гусей, ударил по ним картечью и выбил двух. Он спешил, и поэтому зажарил гусей над костром на вертеле, а не в ямке, как это делал раньше. Спичек осталось две штуки. Кончались и Васюткины силы. Он часто оставался, ложился на землю, и глаза его сразу смыкались — хотелось лежать не двигаясь. Огромным усилием он заставлял себя встать и снова продираться сквозь кусты. Он мог бы отойти метров на двести, триста от речки. Там, по редколесью, было бы куда легче идти, но он боялся потерять из виду речушку.

Так Васютка шёл и шёл сквозь зелёные заросли, почти падая от усталости. Неожиданно лес расступился, и он очутился на берегу Енисея. Могучая река вся сияла светом, от неё веяло холодком и огромной силой. Васютка застыл в изумлении и немом восторге.

— Енисей, — прошептал он губами. — Енисей!

Васютка рассмеялся, упал на край берега, стал жадными глотками хлебать воду, шлёпать по ней рукой, окуная лицо и облизывая стекающие к губам струйки, смешанные со слезами...

Потом Васютка вскочил и запрыгал, как дикарь, подбрасывая вверх горстями песок, напевая:

...Енисей, Енисей,
друг полярных морей...

Встревоженные его воплями, с берега поднялись стаи белых чаек и с недовольными криками закружились над рекой.

Теперь надо было решать, куда идти — вниз или вверх по Енисею. Место было незнакомое. Васютка так ничего и не придумал.

Эту ночь Васютка коротал особенно беспокойно. Ему всё время казалось, будто он слышит то шлёпанье вёсел, то стук моторки, то пароходные гудки.

Под утро он в самом деле уловил равномерно повторяющиеся звуки: бут-бут-бут-бут... Так могла стучать только выхлопная труба рыбосборочного катера.

«Неужели рыбаки?!» — замирая от радости, подумал Васютка.

Он хотел уже бежать по берегу навстречу спасительному звуку, но подумал, что у костра его скорее заметят, и стал складывать все припасённые дрова в огонь. Взметнулись искры, высоко поднялось пламя. Наконец из предрассветной мглы выплыл высокий неуклюжий силуэт бота.

Васютка отчаянно закричал:

— На боте! Э-эй, на боте! Остановитесь! Заблудился я! Э-эй! Дяденьки! Кто там? Э-эй, штурвальный, слышишь?

Он вспомнил про ружье, схватил его и начал палить вверх: бах! бах! бах!

— Кто стреляет? — раздался гулкий, придавленный голос, будто человек говорил, не разжимая губ. Это спрашивали в рупор с бота.

— Да я это, я, Васька! Заблудился я! Пристаньте, пожалуйста. Не знаю, куда идти. Пристаньте скорее!

На боте послышались голоса, и мотор, будто ему сунули в горло клок пакли, заработал глуше. Раздался звонок, вылетел из выхлопной трубы клуб огня. Мотор затарахтел с прежней силой, — там подрабатывали к берегу. Но Васютка не понял и выпалил последний патрон.

— Дяденька, не уезжайте! — закричал он. — Возьмите меня!

От бота отошла шлюпка.

Васютка кинулся в воду, побрёл навстречу, глотая слёзы, приговаривая:

— За-заблудился я! Со-совсем заблудился. — Потом, когда дюжие руки втащили его в шлюпку, заторопился: — Скорее, дяденьки, плывите, а то ещё уйдёт бот-то...

— Ты, малый, щё сказывсь? — спросил его густой бас с кормы шлюпки, и Васютка узнал по голосу и украинскому выговору старшину бота «Игарец».

— Дяденька Коляда, это вы? А это я, Васька! — перестав плакать, заговорил Васютка.

— Який Васька?

— Да Шадринский. Григория Шадрина, рыбного бригадира, знаете?

— Тю-тю, а як сюда понав?

И когда в тёплом кубрике, уплетая за обе щеки хлеб с копчёной осетриной, Васютка рассказывал о своих похождениях, Коляда слушал его, хлопал себя по коленям и восклицал:

— Ай, скаженный хлопэць! Та на щё тоби той лядаший глухарь сдався? Напугал ридну маты и батьку...

— Ещё и дедушку...

Коляда затрясся от смеха.

— Ой, щёб тоби горобець в кишки! Он и дида вспомнив! Ха-ха-ха, ну и лыцарь, ну, и бисова душа! Та знаешь ли ты, дэ тебэ вынесло?

— Не-е-ет.

— У рички Лысухи. Цэ шестьдесят километров ниже вашего стану.

— Ну-у?!

— Вот тоби и ну! Лягай давай спаты, горе ты мое гиркое.

Васютка сладко уснул на койке старшины, заку-

таный во все одеяла, какие нашлись в кубрике, а Коляда глядел на него, разводил руками и бормотал:

— Вот ерой глухариный, спит соби, а батько з маткой с ума зъихалы.

Потом он поднялся к штурвальному и приказал:

— На Песчаному острови и у Карасихи не будем остановки робыть. Газуй прямо к Шадрину.

— Понятно, товарищ старшина. Домчим хлопца мигом!

Подплывая к стоянке бригады Шадрина, штурвальный покрутил ручку сирены. Над рекой понёсся пронзительный вой. Но Васютка не слышал сигнала.

К берегу спустился дедушка Афанасий и принял чалку с бота.

— Что это ты сегодня в единственном числе бот встречаешь? — спросил его вахтенный матрос, сбрасывая трап.

— Не говори, паря, — уныло отозвался дед, — беда у нас, ой беда! Васютка, внук-то мой, потерялся, вот все и ушли в лес. Пятый день ищут. Не чаяли, не гадали этакой беды. Ох-хо-хо! Парнишка-то был какой, парнишка шустрый, востроглазый!

— Почему был? Рано ты собрался его хоронить! Ещё с правнуками понянчишься! — И довольный тем, что озадачил старика, матрос с улыбкой добавил: — Нашёлся ваш пацан; в кубрике спит себе и в ус не дует!

— Чего это? — встрепенулся дед и выронил кiset, из которого зачерпывал трубкой табак: — Ты, паря, над стариком не смейся. Откудова Васютка мог на боте взяться? Гляди, паря, не до шуток мне ноне.

— Правду говорю. На берегу мы его подобрали. Он там такой шум устроил, что, наверно, все черти в болото запрятались!..

— Да не трепись ты, где Васютка-то? Давай его скорей.

Дед Афанасий бросился было к трапу, но тут же круто повернул и засеменял наверх, к избушке, крича:

— Анна! Анна! Нашёлся Васютка! Нашёлся скворченок! Анна! Где ты там? Скорее беги! Отыскался он!..

В цветастом переднике, со сбившимся на бок платком, показалась бледная Анна Ильинична. Она увидела спускающегося по трапу оборванного Васютку. Он виновато и радостно улыбался. Ноги Анны Ильиничны подкосились, она с лёгким стоном осела на камни, протягивая руки навстречу сыну.

И вот Васютка дома! В избушке натоплено так, что дышать нечем, но его накрыли двумя стёгаными одеялами, оленьей дохой и пуховой шалью. Лежит Васютка на топчане, разомлевший, избалованный вниманием, а мать и бабушка хлопочут вокруг, простуду из него выгоняют. Мать натёрла его спиртом. Дедушка напарил каких-то горьких, как полынь, корней и заставил пить это зелье.

— Может, ещё чего-нибудь покушаешь, Васенька, — участливо и нежно, как у больного, спрашивала мать.

— Да я, мама, и так сыт — некуда.

— А если вареньица черничного? Ты ведь его любишь!

— Если черничного, ложки две, пожалуй, войдёт.

— Ешь, ешь!

— Эх ты, Васюха! — гладил его по спине дедушка. — Как же ты сплеховал? Раз уж такое дело, не надо было метаться. Нашли бы тебя скоро. Ну да ладно, дело прошлое. Мúка — вперёд наука. Да! Глухаря-то, говоришь, завалил всё-таки? Дело! Купим вот тебе новое ружьё на будущий год, хватит со старым таскаться. Ты ещё медведя ухлопаешь! Помяни моё слово.

— Ни боже мой! — возмутилась Анна Ильинична. — Ближе к избе вас с ружьём не подпущу. Гармошку, патефон покупайте, а ружья, чтобы и духу не было. Я и старое вот выброшу!

— Пошли бабьи разговоры, — махнул рукой дедушка. — Ну, поблуждал маленько парень. С кем это не бывает. Так что теперь, по-твоему, и в лес парню не ходить? — Дед заговорщицки подмигнул Васютке: «Не обращай внимания, будет новое ружьё, и весь сказ!» А вслух добавил: — «Ежели, конечно, учиться как следует станешь, ружьё получишь».

Анна Ильинична хотела что-то сказать, но на улице залаял Дружок, и она быстро выбежала во двор.

Со стороны леса, устало опустив плечи, в мокром дождевике шёл Григорий Афанасьевич. Глаза его ввалились, лицо, заросшее густой чёрной щетиной, казалось угрюмым.

— Всё бесполезно, — отрешённо махнул он рукой, — нету, пропал парень...

— Нашёлся сынок наш, дома он...

Григорий Афанасьевич шагнул к жене, минуту стоял растерянный, потом сказал как всегда спокойно:

— Ну, а зачем реветь-то? Нашёлся, и хорошо. К чему мокрень-то разводить? Здоров он? — и, не дожидаясь ответа, зашагал в избушку.

Анна Ильинична остановила его:

— Ты уж, Гриша, не особенно строго с ним. Он и так лиха натерпелся. Пересказывал, так мурашки по коже бегают.

— Ладно...

Григорий Афанасьевич зашёл в комнату, поставил в угол ружьё, снял дождевик. Васютка выжидательно и робко следил за ним. Дед Афанасий, дымя трубкой, покашливал.

— Ну, где ты тут, бродяга? — повернулся к Васютке отец, и губы его тронула чуть заметная улыбка.

— Вот он я! — привскочил с топчана Васютка. — Укутала меня мамка, как девчонку, а я вовсе и не простыл. Вот пощупай, папа, — он притянул руку отца к своему лбу.

Григорий Афанасьевич прижал лицо сына к животу и легонько похлопал по спине.

— Затараторил, болтушка, довольнёхонек! Наделал ты нам хлопот, попортил крови. Расскажи-ка, где путешествовал?

— Он всё про озеро какое-то толкует, — заговорил дед Афанасий. — Рыбы, говорит, в нём видимо-невидимо.

— Рыбных озёр мы и без него знаем много, да не вдруг к ним попадёшь.

— А к этому, папка, можно проплыть, потому что Лысуха из него вытекает.

— Лысуха, говоришь? — оживился Григорий Афанасьевич. — Интересно! Ну-ка, ну-ка, рассказывай, что ты там за озеро открыл?

* * *

Через два дня Васютка, как заправский проводник, шагал вверх по берегу речки Лысухи. А бригада рыбаков на лодках, с сетями, с помощью шестов поднималась следом за ним.

Погода стояла самая осенняя. Мчались куда-то мохнатые тучи, едва не задевая за вершины деревьев; шумел и качался лес. В небе раздавались встревоженные крики птиц, отлетающих на юг. Но Васютке теперь любая непогода была не страшна: в резиновых сапогах и брезентовой куртке, он шёл рядом с отцом, принаравливаясь к его саженному шагу, и наговаривал:

— Они, гуси-то, ка-ак взлетят все сразу, я ка-ак дам! Два на месте упали, а один ещё ковылял, ковылял и свалился в лесу, да я не пошёл за ним, побоялся от Лысухи отходить.

На Васюткины сапоги налипли комья глины, он устал, вспотел, и нет-нет да и переходил на рысь, чтобы не отстать от отца.

Васютка без умолку болтал, повествуя о своих приключениях.

— Гусей-то я в лёт саданул. А что? В лёт их ещё лучше оказывается, сразу вон сколько ухлопал.

— Не хвались, — заметил отец, усмехаясь. — В кого ты такой хвастунишка растёшь, беда!

— Да я и не хвалюсь, раз правда, так чего мне хвалиться, — сконфуженно пробормотал Васютка и перевёл разговор на другое: — А скоро, пап, будет та пихта, под которой я ночевал. Ох, чуть не околел я тогда!

— А сейчас, я вижу, вспотел весь. Ступай к дедушке в лодку и похвастайся насчёт гусей, он любит басни слушать. Ступай, ступай!

Когда впереди открылось широкое затерявшееся среди глухой заполярной тайги озеро, кто-то из рыбаков сказал:

— Вот и озеро Васюткино...

С тех пор так и пошло: Васюткино озеро, Васюткино озеро. Рыбы в нём оказалось действительно много. Бригада Григория Шадрина, а вскоре ещё одна колхозная бригада, переключились на озёрный лов.

Богатые уловы помогли колхозу выполнить план осенней путины.

Зимой у Васюткиного озера была построена избушка. По снегу колхозники забросили туда рыбную тару, соль, сети и открыли постоянный промысел.

На районной карте появилось ещё одно голубое

пятнышко, с ноготь величиной, под названием: «Васюткино оз.» На краевой карте это пятнышко, всего с булавочную головку, было уже без названия. На карте же нашей страны озеро это сумеет отыскать разве только сам Васютка. Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик брызнул с пера голубыми чернилами. Вот где-то среди этих кляксочек есть та, которую именуют Васюткиным озером.

ПРИЯТЕЛИ

Валерий сидит на берегу и уныло смотрит на поникшие удочки, а Нинка пытается вырезать из ивового прута свистульку. Свистулька не получается, потому что орудовать складным ножиком — не девичье дело. Возле Нинкиных ног валяется уже куча обрезков, но она всё равно продолжает стругать.

— Лесу-то сколько извела, — хмыкает Валерий. — Дай-ка я подсоблю тебе.

— Лови уж своих тайменей, — усмехается Нинка. — Я как-нибудь сама справлюсь. Обещал ухой угостить, да что-то не похоже, чтоб была она. Или, как говорят, — рыбак душу не морит, рыбы нет — лапшу варит. Да?

Снисходительный тон и насмешливое лицо Нинки бесят Валерия. «Если бы на её месте был парень, я бы ему напощадал, — думает он, стиснув зубы. — А с этой свяжись, так не рад будешь: орать начнёт, царапаться, а то и укусит. Хорошо, что далеко от города и никто не видит такого срама. И ведь бывает же так! Ну хоть бы какая-нибудь полудохлая рыбёшка клюнула. Вон в прошлый раз: только пришёл — раз! — и, пожалуйста, — окуня на килограмм выдернул. Ну килограмма-то, может, и не будет, но всё-таки порядочный был окунишка. Да-а, — продолжает терзаться Валерий, — не зря говорят старые рыбаки — они все

приметы знают, — что женщину брать с собой — плохое дело. Один рыбак рассказывал как-то, что попала ему навстречу женщина с пустыми вёдрами, и этого оказалось достаточно, чтобы у рыбака сорвались три щуки, а четвёртая даже удочку утащила. Ох, эти женщины! Правда, Нинка не женщина, а девчонка, шестиклассница, но вот пойдёшь ты! Видать, есть в ней что-то такое, что отпугивает рыбу от насадки. Ну зачем я её позвал?» — думает Валерий в раскаяньи.

Но вдруг лицо его застывает в напряжении, губы вытягиваются вперёд, рука шарит по траве, нащупывая конец удилица. Поплавок то ныряет, то ложится на бок, то, мелко подрагивая, плывёт в сторону. «Пора! Пора!»

Валерий с силой дёргает удилице, но не чувствует знакомых толчков, похожих на биение пульса, когда на крючке мечется рыба. «Сорвалась!» — холодея, думает мальчуган. Нет! Над водой мелькнуло что-то, похожее на продолговатый ивовый листок. — «Малышка!»

— Выловил! — слышит он позади себя ехидный голос. — Может, тебе помочь?

— Замри лучше! — теряя всякую мужскую выдержку, кричит Валерий и с силой кидает в воду снятую с крючка малышку. Рыбка некоторое время поплавала на боку, кругами, а потом, вяло пошевеливая хвостиком, исчезла в глубине.

— Ушёл таймень! — со вздохом говорит Нинка.

— И ушёл! А тебе-то что?

— Да мне-то ничего. Ушёл и ушёл, пусть себе плавает. А вот ты — вральман!

— Кто? Я вральман?!

— Конечно, ты. Зимой в школе хвастался про рыбалку. На словах чуть ли не китов вытаскивал. Удилище в дугу! Леска трещит! Эх ты! Ещё и меня сговорил. Пойдём, дескать, сама увидишь! Ну, и увидела.

Вон какое чудовище вытащил. Смех! Все вы рыбаки—вральманы. Недаром тебе в «Недоросле» роль Вральмана играть поручили.

Валерий сражён.

— Клёва сегодня нет, — уныло оправдывается он, — может, к вечеру начнётся.

— А ну тебя, — машет рукой Нинка. — Пойду лучше цветы собирать, а ты сиди, колдуй, если не надоело, авось лягушка клюнет!

Напевая, Нинка несётся от берега по нескошенному лугу. О её спину бьются два светлых локона, похожие на древесные стружки. На бегу трепещет подол синего, в горошек, платья.

Проводив её взглядом, Валерий поднимает с земли складной нож, кладёт его в карман, потом, повертев в руках неумело обструганную палочку, швыряет её в воду, целясь в поплавок.

— Ну и уходи, — сердито бурчит он, — подумаешь, горе какое! Ещё вральманом обзывает. А я виноват что ли, раз рыба не клюёт!

Валерий расстроен. Ему хочется махнуть рукой на эту самую рыбалку и побежать вслед за Нинкой, но он робеет: «Опять просмеивать начнёт. Ей только на язык попадись. Ну её».

Он ложится на спину и смотрит в небо. Удочки ему опротивели.

Глаза сами собой смыкаются. Сквозь сон он чувствует, что по лицу кто-то ползает. Валерий морщится, шевелит губами, но назойливая козявка не уползает. Он с досадой открывает глаза и видит: Нинка с видом заговорщика водит соломинкой по его лицу.

— Баламут ты, Нинка, — сердито отмахнувшись, говорит Валерий.

Нинка, прыгая вокруг него, хохочет, но вдруг неожиданно умолкает.

— Валерка! — горячо шепчет она. — Валерка! Клюёт!

— Да ну тебя!

— Валер! Серьёзно клюёт! Не вру.

— Ну и вытаскивай, если не врёшь.

— Вот ещё! — подёргивает Нинка левым плечом. — Во! И у другой удочки клюнуло!

Валерий не отзывается. Нинка трясёт его за плечо, но он сердито сбрасывает её руку. Тогда Нинка, откинув в сторону букет, решительно подскакивает к удочке. Она вытаскивает её не так, как это делают настоящие рыбаки, а пятясь вместе с удилицем назад. Возле самого берега бьётся на крючке рыба.

— Поймала! Поймала! — кричит Нинка и волочит удочку по траве подальше от воды. — Валерка! Гляди, рыбку поймала! Беленькую, с красными плавниками! Ох, и красивая! Валерочка, сними её, пожалуйста, с крючка. Она прыгает.

— Поймала, сама и управляйся, — бурчит Валерий и берётся за другую удочку. Через секунду он снимает с крючка небольшого подъязка. Он быстро наживляет червяка и закидывает удочку.

Приближается вечер. Начинается клёв. Валерий не спускает глаз с поплавка.

— Валер! — слышится позади изменившийся, заискивающий голос Нинки. — Надень на крючок червячка, а?

— Хочешь удить, наживляй, — хмурится Валерий.

— Чтобы я до такой гадости дотронулась?! Ни в жизнь!

— Тогда не приставай.

Нинка умолкает. Запустив руку в бидончик, она вытаскивает свою сорожку и любит её. На носу и в волосах Нинки поблескивают рыбки чешуйки, похожие на лепестки черёмухового цветка.

Валерий подряд выкидывает на берег двух ельцов, и Нинка не выдерживает. С брезгливой гримасой берёт она в руки червяка и пытается нацепить его на крючок. Червяк извивается и, вывернувшись из Нинкиных рук, поспешно уползает в землю. Нинка берёт другого. Валерий исподтишка наблюдает за ней. Наконец она цепляет червяка за середину. Валерий торжествует.

— Девчонка, ты и есть девчонка! Что с тебя возьмёшь! Дай-ка сюда! — снисходительно говорит он. — Тоже мне, рыбак сыскался.

— Не задавайся, пожалуйста! Если хочешь знать, у меня и так клюнет.

— Как же, клюнет! Жди! Что думаешь, у рыбы ума нету? У ней ума, будь здоров, сколько, — поучающим тоном говорит Валерий. — Вот гляди: надо крепко держать червяка и продевать ему крючок в утолщенную часть — это у него вроде головы. Ну, ловись рыбка большая и маленькая. — Валерий с чувством плюёт на скорчившегося червяка и закидывает удочку. — Рыбачь давай, самый клёв начинается.

Минут через пять Нинка выбрасывает в траву вторую сорожку. Ей удивительно везёт на сорогу. Нинку захватывает рыбацкий азарт. Чтобы подразнить свою напарницу, Валерий начинает мурлыкать песню.

— Замолчи, несчастный! Какой Козловский нашёлся! — шипит Нинка.

Валерий ухмыляется и смолкает.

«Нет! Что ни говори, может, там и приметы разные есть, никто не спорит, а с Нинкой стоило идти на рыбалку. Есть в ней азарт охотника», — одобрительно думает Валерий.

Не прошло и часу с тех пор, как начался клёв, а они наловили полный бидончик. И по счёту пойманных рыб Нинка на какую-то малость отстала от Ва-

лерия. А ведь он рыбак авторитетный, с большим стажем.

Валерий размышлял и настороженно следил за поплавком.

Нинка в напряжённой позе стояла рядом. Платье её было перепачкано глиной, волосы растрепались. Но ничего этого она не замечала.

Рыбаки не заметили, как погода стала меняться. Из-за гор, у горизонта, выплыли густые облака, белые и пузыристые, словно кто-то принялся взбивать там мыльную пену. Вначале облака были светлые, вслед за ними поплыли серые, потом — совсем тёмные. Солнце, клонившееся к закату, нырнуло в тучах раз, другой, мелькнуло в голубом разрыве и скрылось. Стало тихо и сумеречно. Налетел откуда-то ветер, зашумел кустами, понёс длинные паутинки, сухие листья, бросил их на воду и шаловливо погнался по реке. Поплавки закачались.

— Нина, сматывай удочки, дождь будет.

— Посидим ещё, Валер. Маленько ещё посидим. А?

— Как хочешь. Вообще-то, перед дождём самый клёв бывает.

— Тогда подождём. Дождь-то не страшный. Лето ведь, тепло.

— Ладно, в случае чего, в ледорез спрячемся. Вон там, пониже, ледорезы на реке стоят. Там сверху железо, не промочит.

Клевать и впрямь стало лучше. Но теперь ветер дул беспрерывно, и трудно было уследить за поплавками. Валерий ещё кое-как различал клёв и во-время подсекал рыбу, а Нинка всё время дёргала удочку беспрестанно и злилась: ловиться у неё стало хуже.

Ветер налетел с новой силой и погнался по воде крупную рябь. Потом на несколько минут наступила тишина. Казалось, всё живое кругом притаилось, будто

перестало дышать, ожидая чего-то. Но вот в кустах зашуршало, на воде появились мелкие кружки от первых капель. И вдруг разом, сплошной полосой, хлестнул дождь. Река мигом покрылась лопающимися пузырьками.

— Бежим, Нинка! — с каким-то радостным возбуждением закричал Валерий.

— Бежи-им! — слышался приглушённый дождём голос, и рядом с Валерием очутилась девочка, мало чем похожая на прежнюю Нинку. Платье плотно прильнуло к её телу, отчего Нинка казалась очень тоненькой. Мокрые волосы прилипли ко лбу, шее, вискам, но глаза сияли озорством.

Валерий вырвал у Нинки удочку, схватил её за руку, и они помчались по мокрой траве.

— Стой! — скомандовал наконец Валерий. — Побрели.

Они спустились в воду. Нинка охнула и тотчас же, перекрывая шум дождя, скороговоркой запела:

Дождик, дождик пуще,
Дам тебе гущи!
Дождик, дождик, припусти,
А мы спрячемся в кусты.

Валерий помог Нинке забраться в ледорез, передал ей удочки и бидончик с рыбой.

— Пригнись, а то шишку на голове посадишь, — предостерёг Валерий, влезая в убежище и усаживаясь рядом с Нинкой на толстое бревно крестовины.

Они сидели долго. Дождь не переставал. Он стучал по железной обшивке ледореза, и казалось, что там, наверху, сотни кур торопливо клюют овёс.

Нинка поёжилась, зябко передёрнула плечами. Валерий потянул её за мокрый рукав платья.

— Подвись ближе, а то совсем замёрзнешь.

— Вот ещё! Сам не замёрзни.

— Ладно, ладно, двигайся, не задирай нос, — гру-

бовато добавил Валерий, и Нинка, будто нехотя, под-
села ближе.

Смеркалось. В ледорезе было темно и холодно. Они сидели молча, не шевелясь. Голова Нинки начала медленно клониться к плечу Валерия. Она задремала. Рука мальчика занемела от неподвижности, но он терпел и не двигался, боясь испугнуть сон Нинки.

А дождь всё шумел и шумел...

СХВАТКА

Лукаша вздыхал, ворочался, кутался в старый полушубок, но сон не приходил. «Укатали Сивку крутые горки», — с грустью подумал он о себе и долго после этого лежал неподвижно, забывшись чуткой дремотой. Трещание кузнечиков, голос кукушки, однообразно отсчитывающий в ночи чьи-то земные сроки, начали сливаться в один неясный, слабый звук. И вдруг совсем рядом, в густом черёмушнике, дико захотела выпь.

— О чтоб ты разорвало! — выругался Лукаша. — Тьфу, ты, нечистая сила, спугнула сон! И достанется же птице такое горло сатанинское — православных с ума сводить...

Лукаша сердито ворчал и складывал в кучу почти затухшие головни; от них повалил дым и вскоре закачался, разрастаясь, синенький огонёк. От реки потянуло сыростью, и Лукаша ощутил лёгкий озноб. Лицо его, заросшее колючими седыми волосами, поседело от бессонницы. Приближалось утро.

Лукаша с кряхтением достал уголёк, положил его в свою вместительную трубку, придавил табак пальцем и задумался, глядя куда-то вверх потрескивающего костра. Трубка сопела, посвистывала, словно грустила о чём-то вместе с хозяином.

Да, теперь Лукаша знает, что такое бессонница. Вот племянник Федька об этом никакого представле-

ния не имеет. Спит вон себе у костра, похрапывает под одним дождевиком, и холод ему нипочём. Впрочем, и сам Лукаша в Федыкины-то годы не жаловался на бессонницу. Бывало, только ткнётся где — и готов, хоть сто леших сбежись и ори на разные голоса. А тут какая-то ничтожная пернатая тварь разбудила...

— Ох-хо-хо, парень, парень, хорошо тебе, — ни заботы, ни печали, старость-то далеко-о, — заговорил Лукаша, поглядывая на спящего Федыку. — А тяжело, ой, тяжело себя стариком-то чувствовать! Я вот всю жизнь в тайге, любого зверя умел выследить и скрасть, а теперь — расписался, не заметил, как самого старость-то скрала. Гордый я человек-то был, никому не кланялся, всё сам делал, как хотел, так и делал. Вот и остался одинёшенек, ни кола, ни двора, а всё потому, что людей избегал, медведем жил, на восток крестился, пню молился...

Федыка пошевелил губами, что-то промычал тихонько и зябко скорчился, натягивая на себя куций дождевичок.

— Околел, — усмехнулся Лукаша и, сняв с себя старый полушубок, набросил на Федыку. — Спи давай за двоих, гроза зверей.

Лукаша погрел спину у огня, ещё раз набил трубку и подумал: «Чайку бы теперь». Но не хотелось ковылять с чайником к реке сквозь кустарник, в промозглую темень, не хотелось даже шевелиться. Годы и усталость придавили Лукашу, сгорбили его кряжистую фигуру. Руки, грудь, плечи и даже выпирающие под рубахой лопатки — всё говорило о силе, некогда буйной. На его тёмнокожем от вечного загара лицо резко выделялись хрящеватый с горбинкой нос и по-детски прозрачные голубые глаза, прикрытые пучками нависших над ними бровей. Пожалуй, в глазах был виден весь Лукаша. Стоило заглянуть под эти хмурые брови, встретиться с ясными, немигающими

глазами, и каждый сразу понимал, что этот старый таёжный охотник считает проявление всяких чувств унижительным для человека.

Чуял Лукаша: скоро-скоро сломят его и прикуют к постели всякие немощи, которые наваливаются на престарелых таёжников обычно сразу, как только они покидают вскормившие их лесные дебри.

Не тайники с золотом, не пятистенные избы и не закрома с хлебом оставляет в наследство охотник. Передаёт он, чаще всего, старое, много раз чиненое ружьё и впридачу к нему — вольную жизнь, любовь к тайге, к небу, звёздам, ко всему тому, что мы привыкли называть природой.

Наследником обычно бывает сын. А Лукаша так и не успел обзавестись семьёй. Прожил он с женой всего три недели, и ещё не успел поверить, что его любимая Дуняша с ним, как случилось событие, которое сделало Лукашу замкнутым, нелюдимым.

Отряд красных партизан после удачного налёта на деревню, занятую колчаковцами, пробирался в горы. Лукаша служил тогда на месте покойного отца лесо-объездчиком, знал все таёжные тропы, не раз водил по ним партизан. В тот день он опять пошёл с отрядом в тайгу, а когда вернулся, его Дуняша, вся исполованная шомполами карателей, висела на дереве рядом с избушкой.

Так вот и остался Лукаша один. Покинул он свою избушку, чтобы не глодала сердце тоска, и ушёл навсегда в тайгу. Здесь он и жил. Только изредка выходил к людям, чтобы заключить очередной договор с ОРСом сплавной конторы на поставку мяса или сдать пушнину. А жизнь текла и текла. И вот настала пора передавать кому-то свое ружьё, передавать свою любовь к тайге. Ружьё он передаст — это вещь. Правда, такая вещь не у всякого имеется — по замочной стенке ружья серебряной змейкой извивается надпись:

«Лучшему охотнику Луке Романовичу от сплавщиков».

Ружьё есть ружьё, его, если и не дарить, так всё равно Фёдке достанется, а вот как быть с любовью? Тайга — не красная девица, не всегда ласкова. Не любит тайга людей нерасторопных, малодушных, корыстных. Умеючи надо любить тайгу, любить даже тогда, когда околдует она тебя, запутает в своей лесной дрёме; любить её и в вешнее цветенье, и в буйный листопад; любить, когда она щедрой рукой набивает охотничьи сумы мягкой пушиной и когда уводит из-под носа последнего бурундука. Сумеет ли Фёдка всей душой полюбить её такую: то добрую, то коварную; то безмерно щедрую, то чересчур скупую?

Отец Фёдки умер три года назад, оставив на руках мачехи троих ребят. Двоих младших отдали в детдом, а старший, Фёдка, остался у мачехи. Та помыкала им, как хотела. Фёдка делал всё — от уборки навоза в коровнике до растопки печи по утрам. Но мачехе было мало — она корила его куском хлеба, ругала за пустячные ребячьи проказы. Когда же в дом стал похаживать сплавщик с лихо закрученными рыжими усами, Фёдке совсем жизни не стало. В это-то время и появился в доме старший брат Фёдкиного отца, Лукаша. Он пришёл выпивший, обругал мачеху последними словами и забрал Фёдку с собой в тайгу.

У Фёдки никто не спросил, хочет он или не хочет ходить по тайге, принимая на себя тяжести и муки охотничьей жизни. Робким, забитым и потому услужливым рос Фёдка. Не любил Лукаша слабых характером людей, и оттого держал Фёдку в особой строгости. «Ничего, со временем поймёт, что для его же пользы это, — рассуждал Лукаша. — Может, выйдет из него охотник», — и подвергал его всяким таёжным испытаниям.

Вчера вечером плыли они по реке. Горы подступали к берегам, становились всё выше и мрачней. Течение убыстрялось. Откуда-то доносился приглушённый, всё усиливающийся шум. Казалось, в горах, шевеля вершинами обомшелых кедров и сосен, дует сильный ветер.

Федька перестал грести и, направляя лодку веслом на стрежень, с любопытством поглядывал то на голые, морщинистые выступы, за которые в страхе уцепились хилые, кривые сосенки, то на Лукашу, сидевшего к нему спиной на багаже посреди лодки и привычно посасывавшего трубку.

Приближались к Почивалинскому мысу. Когда две недели назад они поднимались вверх, таща за собой на бечеве лодку и с трудом миновали мыс, Федька спросил у Лукаши, почему это место так называется.

— Много разного люду почивает возле этого утёса,— задумчиво ответил Лукаша.

Течение забирало влево, к низким, будто обглоданным, каменным ярам, которые, вырастая, превращались в скалы. Отброшенная ими река круто поворачивала вправо, делая шестикилометровую дугу, а если идти через седловину, то до другой стороны дуги — всего полкилометра. Федька ожидал, что Лукаша сейчас повернётся к нему и скажет: «А ну, вылазь! Кума с возу — кобыле легче». Но Лукаша достал из-под брезента патронташ, опоясался им, взял ружьё, заглянул в стволы, продул и, вложив заряды с пулями, приказал:

— Подверни к берегу.

Федька изумлённо округлил глаза и не сразу сообразил, чего хочет Лукаша.

— Уснул?

Федька торопливо загрёб с правого бока. Лёгкая долблёнка качнулась и понеслась к берегу. Лукаша

стоя набивал трубку и, когда лодка ткнулась в песок, сказал:

— Капканы мне надо на перевале попроведать. Поплывёшь один.

Он шагнул на отшлифованный водой плоский камень и добавил:

— Да соображай, как плыть-то!

Федька не нашёл, чего ответить. Лодку развернуло течением, отбило от берега и понесло, а он всё ещё неподвижно сидел на корме.

— Как я один-то?.. Пропаду... Дядя Лукаша! — наконец, выкрикнул он.

Но Лукаша не обернулся. Его серый дождевик и рыжая полинявшая шапка замелькали в кустарнике на подмытом крутом берегу, ринулись вниз оттуда водопадом камни, и всё смолкло.

Губы Федькины задрожали.

— Зачем я пошёл в охотники? Угробит он меня. Всё это мачеха. Ну и наплевать. Пропаду — отвечать будете! Душегубы! — всхлипывая, приговаривал Федька, ударяя веслом по воде, всё больше ожесточаясь.

Рассердился Федька, и страх куда-то пропал.

Впереди показался Почивалинский мыс.

Вечерело. Где-то вверху, над навесом гор, ещё светило солнце, а на воде было уже сумеречно, только на той стороне реки верхний край Почивалинского мыса был ярко освещён, и прослойки слюды, упрятавшиеся в граните, сверкали ослепляюще, переливались причудливыми огоньками.

Федька затих и сжался. Своим величием и угрюмым молчанием скалы, возле которых кипела и трепыхалась, как подстреленная птица, река, подавляли волю, лишали сил.

Но оцепенение слетело с Федьки, как только лодку накрыла густая тень от утёса. Повернув нос лодки влево, Федька держал начеку весло и, когда прибли-

зился к расщелине, которая всасывала воду, несколькими сильными ударами пересёк струю и снова, весь подавшись вперёд, устремил взгляд в следующее опасное место. Секунды решали всё. Именно так проплывал Лукаша дикие утёсы, пороги — он не любил попусту махать руками, тратить свои силы. Федька не думал о Лукаше, но бессознательно повторял все его приёмы. Он не знал того, что с берега за ним пристально следят из-под лохматых бровей голубые необычайно потеплевшие глаза старого таёжника.

— У-ух! — облегчённо выдохнул Федька, когда Почивалинский мыс скрылся за поворотом, и положил весло, отдыхая.

За Куляпинским островом, на открытом пологом берегу, Лукаша разводил костёр. Федька подтянул на берег лодку и сказал:

— Я уж думал, у тебя костёр до небес, а ты только берёсту разжигаешь.

— Мало ли, чего ты думал, — буркнул Лукаша и прикрикнул: — Что стоишь-то? Дров надо на ночь запасать.

«Где же он шлялся так долго?» — с недоумением думал Федька, отправляясь по берсгу собирать носные коряги, корни и пни.

...Да, многому научился Федька у Лукаши, перенял с трудом и слезами, но не было, видно, в нём ещё того самого таёжного нюха, которым отличается настоящий охотник.

Занемог вот Лукаша, и они плывут без мяса. А было ли, чтобы он, Лукаша, не сдал на базу ОРСа сплавконторы столько мяса, сколько требовалось сплавщикам? Что-то не припоминается такого. К пятнадцати годам Лукаша уже имел на своём счету двух убитых медведей, лося и четырёх маралов. А Федьке — что? Спит себе у костра, посапывая, ему наплевать на то, что собственный его дядя в первый

раз в жизни будет моргать глазами перед начальником ОРСа, и тот ему, может быть, предложит переходить на пенсию. Досадно стало Лукаше от этих мыслей.

— Эй, Федька! — крикнул он раздражённо, но племянник и ухом не повёл. Тогда Лукаша сдёрнул с Федьки полушубок и потряс за плечо. — Да перевернись же ты, варначище, на другой бок. Эк ведь храпишь, прямо хоть уши глиной замазывай!

Федька вскочил и, утирая ладонью губы, сонно забормотал:

— Что?.. Что?.. Плыть пора, дядя Лукаша?

Лукаше стало неловко, что он потревожил парня, но он всё же сказал:

— Чаю надо прежде напиться, а после про отплытие думать, да чай-то не к спеху, успеем налить брюхо. Охота, так поспи ещё.

— Не-е, раз проснулся, уж сбегаяю.

Федька схватил чайник и поспешил к реке. Было слышно, как булькала вода в чайнике, брэнчала крышка. Затем всё стихло, и через минуту из тьмы, освещенная костром, появилась зябко вздрагивающая фигурка подростка.

— Кипяти, дядя Лукаша, — сказал Федька, — а я смородинника на заварку наломаю.

— В потёмках-то где ты его сыщешь? — буркнул Лукаша. — Вечор надо было думать. Сейчас вот полезешь по мокрой траве, — и неожиданно сердито спросил: — Ты проснулся, али всё ещё дрыхнешь? Ты какую дрянь в чайник начерпал?

— Воду... в реке...

— Воду, в реке! — передразнил Лукаша. — Я и без тебя знаю, что в реке не самогонку черпают. А с чем воду-то принёс, глядел? — И подцепил рукой из чайника кусочки лопухов и травы. — Это для

навару? — Но тут же встrepенулся, пододвинулся к костру и, разглядывая траву, торопливо заговорил:

— Погоди, погоди, Фeдька. А ну, поди сюда! Гляди, чего у меня на ладони?

— Ну, водоросли, экая беда, не заметил, темно. Давай схожу сменю воду, не тяжело.

— И-и-их, балбе-ес!—почти простонал Лукаша.— Водоросля! Да какая водоросля-то? Откуда она взялась? Почему в чайник попала? Подумал ты об этом? Учил ведь тебя. Обьeдки ведь это. На вот, на, гляди! — Лукаша поднёс к самым глазам Фeдьки свою жилистую, испещрённую шрамами руку. На мокрой ладони лежали обрывки водорослей. — Шевели мозгами! — приказал он. — Приплыли обьeдки из Куляпинской протоки. На этой стороне, вверху, кроме неё поблизости заросших мест нету. Обьeдки ещё не осклизли, видишь, свежие на концах. Значит, сохатый кормится в протоке. Уразумел?

— Понял, дядя Лукаша. А... а, может, он уже ушёл?

— Не должен. Сейчас самое время для кормёжки. Ты поменьше гадай. Бери ружьё и крой, да бегом! Э-эх, ноженьки мои, худо бегать стали. Я бы завалил его. Глаз-то у меня ещё востёр... Да подползай тише к нему, понял? Ну, чего рот открыл, беги, говорю. Ждать он тебя будет, что ли?

Когда фигура Фeдьки растаяла в предрассветной мгле, Лукаша начал собираться, тихо приговаривая:

— Ежели бог даст удачу, не стыдно будет и сплавщикам на глаза показываться. Ну, поглядим, куда ты годишься, охотник,— добавил он, думая о Фeдьке и, положив в костёр большую корягу, пошёл по берегу — в ту сторону, куда и племянник.

Фeдька сперва бежал по берегу, но, приблизившись к Куляпинской протоке, тихо свернул в кусты. Сотни холодных невидимых брызг сыпались на него

с веток. Через несколько шагов он промок почти до нитки. Половина неба посветлела. На востоке заалела робкая полоска зари, но в кустах было ещё темновато. Всё кругом спало предутренним сном. Фёдка старался идти осторожно, однако под ногами нет-нет да и потрескивали сучья, и парень невольно радовался тому, что поблизости нет Лукаши. Он свернул к берегу и остановился, перестав дышать. Где-то, совсем недалеко, должно быть, в протоке, что-то шлёпало, булькала вода, слышалось сдавленное храпение и глухое мычание. «Что это?»—Фёдка бросился к кустам, тянувшимся вдоль Куляпинской протоки.

Осторожно раздвинув черёмушник, с которого посыпались в воду переспелые ягоды, Фёдка выглянул и оцепенел: вверх протоки, там, где было мелко и росло много водорослей, происходило непонятное: два огромных тёмных тела метались, громоздясь одно на другое. Фёдка, пригибаясь к кустам, побежал дальше, и, когда снова выглянул, ахнул.

Большой бурый медведь сидел верхом на лосе и драл его когтистыми лапами. Лось, закинув высоко голову, носил на себе урчащего зверя, стараясь стряхнуть его. Борьба шла смертельная. Вся вода в протоке была взбаламучена. По шее лося струями текла кровь. Мотая головой, лось пытался зацепить рогами медведя, оберегая в то же время свои глаза. Когда ему удавалось боднуть зверя, тот остервенело рычал и ещё сильнее терзал лося.

Фёдка, потрясённый, стоял у крутого яра, наблюдая страшную битву, — звери не замечали его. Наконец он опомнился, взвёл тугой курок, вскинул ружьё, поймал на мушку голову лося, перевёл на медведя. Зубы у Фёдки стучали, ружьё плясало в руках. «Промажу! — мелькнуло в голове. — Подождать надо, успокоиться». Но в это время лось глухо замычал и рухнул на колени. Медведь торжествующе рывкнул.

Ни о чём больше не думая, Фёдка поймал на мушку его лобастую голову и спустил курок. Ухнул выстрел и раскатился над рекой. Медведь свалился в воду, заревел и, путаясь в петлях водорослей, заковылял к острову. Фёдка выбросил горячую, дымящуюся гильзу, вставил новый патрон, и ещё одна пуля настигла медведя. Медведь остановился, встал на задние лапы и, ревя, пошёл к Фёдке, потом, точно нехотя, начал оседать; лапы его судорожно загребали воздух.

Лось поднял голову и, взметая фонтаны воды с илом и зелёной кашицей ряски, бросился к берегу, на котором стоял Фёдка. Торопливо закладывая патрон, Фёдка, похолодев, отпрянул в сторону. Лось пронёсся мимо него, сделал прыжок на обрыв и начал медленно оседать. Фёдка, не отрывая взгляда от поверженного медведя, краем глаза увидел, как могучие копыта лося цеплялись за камешки, корни, которые лопались, словно струны. С тихим мычанием, похожим на стон, лось, вздрагивая всем телом, смотрел на Фёдку. В глазах его застыли боль, ужас, и, как показалось Фёдке, мольба. Фёдка не выдержал и отвёл поднятое ружьё.

Но вот лось встал и, не пытаясь больше прыгать на яр, побрёл вдоль берега. Его мокрые бока грузно вздымались и опускались, а из раны на шее, пузырясь, текла кровь, но он шёл всё быстрее и быстрее. Вот лось свернул в черёмушник и словно растаял в нём. Только жёлтые листья, лениво кружась, падали в воду с кустов.

Вдруг медведь зашевелился, снова медленно поднялся на задние лапы, неожиданно сделал два тяжких прыжка и встал на дыбы. Фёдка побелел. Не соображая, что делает, отбросил дробовик, выхватил из-за пояса широкий охотничий нож и прижался спиной к яру, оцепенев от ужаса. Сверкая маленькими глазками, широко раскрыв окровавленную пасть, зверь

медленно шёл на Федыку. В это время откуда-то сверху гулко грохнул выстрел, и медведь, качнувшись, тяжело рухнул у Федыкиных ног.

— Кто же так делает, дура-человек! — еле услышал оглушённый страхом Федыка. — Ружьё — в сторону и за ножик. Храбр да не сообразителен!

Лукаша прыгнул с яра, огляделся по сторонам, задержал взгляд на лосиных следах, повернул сапогом камешек, на котором запеклись капли крови, и тихо спросил:

— Сохатого-то смазал?

— Смазал, дядя Лукаша, — хрипло проговорил Федыка.

Старый охотник пристально посмотрел на племянника, затем открыл свою двустволку, вынул пустую гильзу и заряжённый патрон, продул ствол, закрыл ружьё и торопливо сунул Федыке.

— Давай сюда дробовнишко-то, — сказал Лукаша. — Давай, давай, чего глаза-то вытаращил? Из моего ружья мазать грешно и стрелять по чему попало тоже грешно. Понял?

Он достал трубку, закурил, и они оба долго молчали.

— А врать не учишь. Нейдёт это настоящему охотнику, марку его изничтожает. Лося-то отпустил, пожалел? Так что ли?

Федыка потупился.

Лукаша покряхтел и ворчливо добавил:

— Чего стоишь-то? Свежевать надо медведя. Твоя добыча, ты и свежуй. Первый зверь — это, брат, на всю жизнь в памяти останется...

Федыка всё ещё стоял, не двигаясь, не в силах оторвать взгляда от тонких серебряных буквочек, выведенных на Лукашином ружье, — «Лучшему охотнику...»

ХОЗЯЙКА ЛЕСНОЙ ИЗБУШКИ

— Цып-цып-цып! — кричала Сима.

К её ногам, многоголосо чивикая, со всех сторон сыпались лохматенькие цыплята. С солидным материнским квохтаньем из крапивы появилась наседка. Сима одной рукой бросала на крыльцо избы овсяную крупу, другой загоразживала глаза от солнца. Она зорко следила за коршуном, который медленно делал круги над избушкой.

— Ишь, враг какой! — ругала Сима пернатого хищника. — Две цыпушки уволок! Понравилось. Ещё прицеливаешься? Я вот тебе! — грозилась она.

И, словно убоявшись Симиного кулачка, коршун начал подниматься всё выше, дальше и, наконец, исчез совсем, будто растаял в солнечном ярком свете.

Сима пересчитывала цыплят, но те шустро копошились у ног, лезли друг на друга, и счёт путался. Она снова принималась тыкать пальцем перед собой:

— Одна, две, три, пять, семь... Ой да, ну же, дурёшки, стойте же! Ой, беда с вами... Одна, две, три...

Воспользовавшись удобным случаем, коза Манька скинула слабо завязанную на рогах верёвку и тайком пробралась в огород. По опыту зная, что в огороде ей долго гулять не позволят, она хватала без разбору всё, что попадало на глаза.

Сима так и не сосчитала цыплят. Увидев Маньку на зеленеющих грядках, она на мгновение растерянно замерла, потом спрыгнула с крыльца и замахала руками:

— Кыш, Манька, уходи!

Но Манька не обратила внимания на крик — она как раз попала на капустную грядку. Когда рассерженная Сима с палкой в руках полезла через изгородь, коза, захватив про запас молоденький вилочек капусты, выскочила из огорода.

Преследовать Маньку не было времени: на сеновале закудахтала курица, надо было спешить. В последнее время куры наловчились клевать яйца — прозеваешь, не найдёшь даже скорлупки.

Сима вынула из гнезда ещё тёплое яйцо, выпустила на волю курицу. Затем принесла воды, начистила картошки, поставила в печку суп и начала прибираться в избе.

Занятая хлопотами по хозяйству, Сима не заметила, как к берегу пристала лодка.

Из неё вышла уже немолодая женщина, одетая в блузку и лёгкую юбку. Женщина долго привязывала цепью лодку к бревну, потом раздражённо махнула рукой, взяла крупный камень, придавила им цепь и направилась к избушке, которая одним окном выглядывала из буйно разросшегося в палисаднике кустарника. Остановившись у раскрытых настежь дверей, приезжая с удивлением глядела на хлопотавшую в комнате девочку. Была эта девочка худенькая, остроносая, похожая на шуструю птичку. Вытирая пыль с радиоприёмника, она тоненьким голоском напевала:

...Проходи стороной —
Не скажу ни слова,
А уйдешь, дорогой,
Затоскую снова...

Женщина, улыбаясь, переступила порог и сказала:
— Здравствуй, душечка-девица, и не тоскуй
очень-то.

Сима вздрогнула и уронила тряпку.

— Ой, как вы меня напугали! — и, одёрнув не-
умело заштопанный передник, степенно добавила: —
Здравствуйте, пожалуйста!

— А где, детка, твои папа и мама? — спросила
приезжая, пряча улыбку. Она хотела сказать ещё
что-то шутливое, но осеклась, увидев, как сразу по-
никла головой девочка.

Лицо Симы стало печальным, а мазок сажи под
носом как бы увеличился. Она подняла голову, гру-
стно взглянула на женщину и тихо проговорила:

— У нас нет мамы.

— Не-е-ет?! М-м... Ну ничего, деточка, ничего, не
плачь, — растерянно пробормотала женщина и
смокля.

— А я и не плачу. Я сначала всё плакала, а теперь
уж не плачу. Что же вы стоите? — спохватилась
Сима. — Проходите, пожалуйста, садитесь, пожа-
луйста.

Когда приезжая села, Сима словоохотливо про-
должала, как человек, долго ожидавший себе-
седника:

— Весной наша мама умерла. Я тогда в четвёртом
классе училась, в посёлке, в лесозаготовительном. А
у мамы сердце было больное. На реке ледоход на-
чался, мамино сердце и схватило. Папа в город вер-
хом поскакал, да не успел врач... — Сима тяжело
вдохнула: — Вон там теперь мама лежит, за огоро-
дом, в земле.

— Ты, значит, одна хозяйничаешь здесь?

— Ага, одна. Папа мой всё ездит, а я всё одна,
одна.

— Как звать-то тебя, милая? — ласково спросила гостя и своим платком начала вытирать у Симы под носом сажу.

— Что, сажа? Симой меня зовут. Когда папа шутит, то Серафимой Тимофеевной называет. Вот он, мой папа, — показала она на фотокарточку. — Это он на войне снимался.

Женщина достала из кармана блузки пенсне, нацепила его и внимательно посмотрела на пожелтевшую от времени фотокарточку, вставленную в самодельную рамку. С неё глядел задумчивыми глазами военный, с погонами сержанта, круглолицый, безбровый.

— Красивый мой папа, да? — поглядывая через плечо женщины, сказала Сима.

— Ничего, бравый вояка, — ответила та и, повернувшись к Симе, спросила: — Слушай, Симочка, нелзя ли за твоим папой сбежать?

— Ой, что вы!? Папа за дальний перевал уехал, лесосеки отводить. Он ведь лесник. Без его разрешения леспромхоз даже ни одного прутика не имеет права срубить.

— Вот незадача, — гостя закусил губу.

— А вы с какой просьбой к нему, тётенька? Тоже насчёт лесосек, да?

— Нет, Симочка, я по другому делу. — Я новый врач лесозаготовительного посёлка. Зовут меня Александрой Карповной, словом — тётей Сашей. Плыву в город с больным. В больницу его надо срочно — ногу вчера сломал в лесу. Мы думали, что через порог нас твой папа проводит.

— А-а-а, — понимающе закивала головой Сима и сочувственно продолжала: — Очень тяжело больному, да? В больницу его срочно нужно, да?

— Скорей надо, иначе будет поздно, человек без ноги может остаться...

Сима задумалась, плотно сжала тоненькие губы. Брови её, похожие на ржаные колоски, сошлись.

— Как его фамилия, больного? — спросила через некоторое время Сима. — Я там, в посёлке, почти всех знаю.

— Фамилия? Вот забыла. В истории болезни записано, да она в лодке. Знаю, что мастером работает, и все его называют дядей Костей.

— Дядя Костя?! Что же вы! Дядя Костя в лодке, ногу сломал! — засуетилась Сима и, повязывая козынку, решительно добавила: — Я провожу вас через порог.

— Что ты, что ты, и не выдумывай! — замахала на неё руками Александра Карповна. — Ты нас утопишь и сама утонешь!

— Так быстрее надо, сами говорите! А чтобы утонуть — не беспокойтесь. Я одна, без папы, может, раз двадцать через этот порог — Двузубку — плавала.

— Сима, ты правду говоришь? — строго спросила Александра Карповна.

— Сами увидите, — ответила Сима и пошла из избушки: — Если боитесь утонуть — идите через горы, а мы с дядей Костей поплывём, он-то не испугается.

— Чтобы я оставила больного? Что ты говоришь, Сима! — Александра Карповна, покачав головой, последовала за девочкой, мелко семенящей загорелыми ногами по острым горячим камням...

* * *

Пробиваясь в Уральских горах, река Золотайка, на берегу которой приютилась лесничья избушка, делала множество замысловатых петель, поворотов, бросалась то в одну, то в другую сторону, отыскивая себе путь. Если не оказывалось удобных щелей, река делала их сама, расталкивая по сторонам угрюмые,

поседевшие от времени горы. Оттого и встречались на её течении перекаты, косы, отмели, острова и островки, подводные камни и коварные водовороты. Но все эти препятствия были пустяком по сравнению с порогом Двузубым.

Против лесничей избушки Золотайка круто поворачивала вправо. Всей своей силой она обрушивалась на подмытые снизу огромные камни и, разъярённая, сразу же кидалась в другую сторону. Но и здесь встречали реку хмурые скалы. Так металась Золотайка, то влево, то вправо, зажатая с обеих сторон равнодушными глыбами утёсов, и, задыхаясь в бессилии, с остервенением бросалась на последнюю преграду — порог Двузубый.

На втором километре от избушки есть такое место, где два утёса — один слева, другой справа — забрели по пояс в воду и насыпали перед собой камней. Цепь этих камней тянется наискось по реке, образуя угол. И в самом углу, почти посредине реки, метрах в пятнадцати друг от друга торчат из воды два острых каменных клыка. Отсюда и название порога — Двузубый.

Река бешено бурлит на камнях, швыряет клочья пены, а затем опроретью несётся в узкий коридор — два каменных зуба словно процеживают её между собой. Сколько раскусили эти зубы на своём веку лодок, барок, шитиков! Сколько расщепали плотов!

...Сима почти не гребла. Она только изредка толчком весла направляла нос лодки на струю, и та летела, как птица, вперёд. Вот струя повернула влево, лодку понесло прямо на скалу. Сима нащупала ногами на днище поперечину, упёрлась в неё, проговорила скороговоркой:

— Ох, сейчас и помчит, только держись!

Дядя Костя, лежавший в лодке на охапке сена, открыл глаза и приподнялся на локте.

— Что, дядя Костя, качает, да? Больно?

— Ты вперёд, дочка, смотри, вперёд...

Скала приближалась. Александра Карповна заёрзала на носовой беседке. Её серые и без того большие глаза раскрылись ещё шире.

— Симочка, детка, ты... ты почему же это самое... не гребёшь, а? — с беспокойством спросила она.

Сима не отзывалась. Она, не мигая, смотрела на приближающуюся глыбу.

— Сима! Ты разве не слышишь?

— Не мешайте, — сквозь стиснутые зубы прошептала Сима.

— В самом деле, доктор, вы того, не гукайте ей под руку, — сказал дядя Костя. Говорил он спокойно, но лицо его было совсем бледным, и на руке, уцепившейся за борт, от напряжения вздулись синие вены.

Словно готовясь к прыжку, Сима нагнулась вперёд. На её остреньком носу блестели капельки не то пота, не то воды; скулы резко обозначились оттого, что она крепко стиснула зубы. «Ничего, ничего, — успокаивала она себя. — Папа, когда через порог плывёт, ни чуточки не пугается, пусть хоть там десять Двужубых впереди». Но откуда-то, словно издалека, Симе говорит чей-то укоряющий голос: «Папа-то большой, сильный, а ты совсем девчонка и взялась за такое опасное дело. Можешь людей и себя на тот свет спровадить. Разве так необдуманно поступают пионеры? Надо, чтобы смелость твоя приносила пользу людям». Первый голос сердито возражал тому, второму: «Я вовсе обдуманно, хоть и боюсь, конечно. Вот когда проплыву, тогда не буду бояться, а сейчас мне очень страшно, хоть и плавала уже через Двужубый...»

Сима сильнее расширила глаза, чтобы они вдруг не закрылись, и, когда тень от утёса накрыла лодку,

она внезапно выбросила вперёд весло и сделала несколько молниеносных ударов. Лодку качнуло, но утёс уже был за кормой. Теперь, среди пены и брызг, подпрыгивая на частых волнах, судёнышко несло в слив струи, в пасть Двухзубому.

Ловко работая веслом, Сима держала лодку на струе, и как только она виляла в сторону, девочка тотчас выправляла ход. Позади грозно шумела вода. Вокруг всё кипело и клокотало. Иногда в лодку залетал клочок пены или плескала слишком ретивая волна. Александра Карповна вся сжалась, закрыв лицо руками. Дядя Костя с тревогой смотрел на Симу. Вот лодка вырвалась на середину струи. Теперь оставалось ждать секунды.

Сима успела ещё дать веслом толчок из-под лодки. Нос качнуло вправо и сразу же все почувствовали, как лодка дрогнула. Мимо, совсем близко от плеча девочки, промчался камень. Сима оглянулась и заметила белеющую на остром выступе камня щепку. Она перевела взгляд на лодку: на левом борту её словно кто-то выкусил клочок. Сима облегчённо вздохнула.

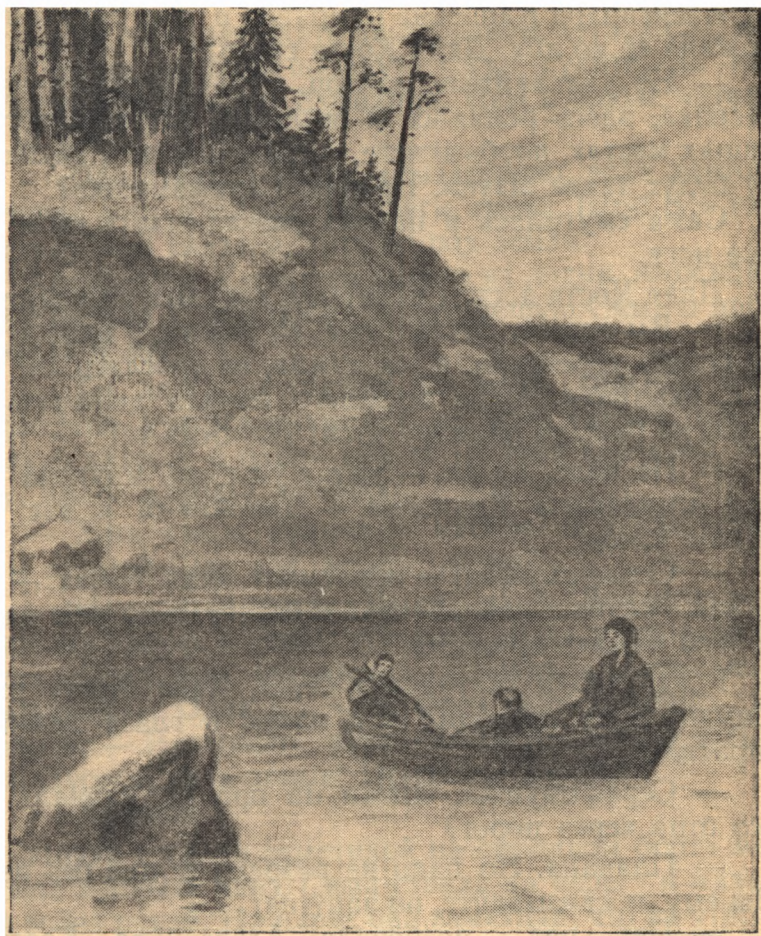
Все долго молчали. Дядя Костя лежал белый, как бумага, бессильно прикрыв глаза.

— Дядя Костя, ты ушибся, да? — виновато спросила Сима.

— Я-то? — встрепенулся дядя Костя. — Нет, Серафимушка, не ушибся, просто нездоровится мне чуток и на воду глядеть надоело. — Пригладив седые пышные усы, он с улыбкой спросил: — Ну, а как ваше самочувствие, доктор?

— Ужасно, ужасно! Эти камни, этот порог, шум, грохот — они мне будут сниться! Безумством с моей стороны было не взять провожатого ещё в посёлке.

— А чем Серафимушка не провожатый? Лоцман, куда тебе с добром!

— Ну это, знаете, дело случая. Среди кошмара и хаоса такая малютка за рулём... Это в романе, в кино — куда ни шло... Нет, я всё ещё не могу прийти в себя. Как я могла согласиться?

Александра Карповна помочила в воде руку и приложила её ко лбу. Дядя Костя сказал:

— Не удивляйтесь, доктор, Серафимушка — дочь лесника, здесь родилась и выросла. Вот поживёте в наших местах, пообвыкнете, тогда и вам не в диковинку будут такие штуки. Правда, Серафимушка?

Сима смутилась и начала разглядывать свои бо-
дые ноги.

Дядя Костя достал папиросу, закурил, сморщился:

— Вы знаете, доктор, там, на пороге, у меня и нога болеть перестала, я уж думал, не срослась ли? Ан нет, окаянная, пуще прежнего начала донимать, а порогов больше не встретится! Вот беда-то!

— Не надо, ну их, — уже с улыбкой махнула рукой Александра Карповна. — Давайте-ка я вас лучше уложу.

— Серафимушка! — обратился дядя Костя. — Ты давай, голубка, поворачивай к берегу, а то тебе далеко конько бежать придётся.

Когда лодка ткнулась в берег, дядя Костя взял Симинову руку, погладил её и, глядя в глаза девочке, спросил:

— Серафимушка, скажи по правде, плавала ты без отца через порог?

— Плавала. Но папа не разрешает мне без него. Вы ему не сказывайте, он заругает.

— Нет, нет, — возразила Александра Карповна. — Обязательно надо с твоим папой поговорить и поговорить серьёзно. Нельзя такой малютке оставаться одной в избушке; тут река, звери кругом, ещё нападут...

— Ладно, доктор, не страшайте девчушку, а перебирайтесь-ка на её место и поплывём по морям, по волнам! Что, Серафимушка, тебе в подарок везти, говори, пока не отчалили.

— Ничего не надо, дядя Костя, поправляйтесь скорее. К нам заезжайте на обратном пути. Если, может, нитки мулине попадут, тогда купите, да ещё книжку про Володю Дубинина. Нам в школе читали, да не всю.

— Обязательно заеду, обязательно, если доктора оставят меня в живых. Ну, беги, дочка, беги! Всё тебе достану, что сказала, хоть из-под земли.

Александра Карповна вышла из лодки, неожиданно прижала к себе робко прильнувшую Симу и поцеловала в лоб.

— Ты, детка, не сердись на меня, спасибо тебе. Приедешь учиться в посёлок, ко мне заходи, обязательно заходи, с папой вместе. Я тебя вареньем угощу. Какое варенье любишь?

— Хоть какое, только не кислое. А у вас есть с кем играть? Сын или, может, дочка?

— Нет, детка, нету... Были, да в Ленинграде в блокаду вместе с отцом погибли... Я на санпоезде ездила, а они там остались, — вздохнула Александра Карповна. — Одна я..., — и, через силу улыбаясь, добавила: — Ну ничего, зато у меня три кошки есть — все Дуськи, заба-авные! Придёшь, хорошо?

— Хорошо.

Лодка с белой отметиной на смоляном борту медленно поплыла вниз. Сима стояла на берегу и махала ей вслед рукой. Но вдруг она заметила, что за утёсом, как раз над её избушкой, снова парит коршун. Она сорвалась с места и быстро побежала в гору. Несколькими минутами спустя, её белое короткое платьишко уже мелькало на перевале.

— Я бы хотела иметь такую дочку... — задумчиво сказала Александра Карповна, провожая взглядом маленькую тоненькую фигурку за перевал.

Дядя Костя посмотрел на неё внимательно, что-то хотел сказать, но, видимо, не решившись, промолчал, сделав вид, будто прислушивается к шуму реки у порога, который всё отдалялся, становился тише и тише...

ГИРМАНЧА НАХОДИТ ДРУЗЕЙ

Пароход гудел часто и жалобно. Он звал на помощь. Пароход был маленький, буксирный; волны накрывали его почти до самой трубы и, казалось, вот-вот он захлебнётся, перестанет кричать. Однако прошёл час, другой, а буксир всё ещё боролся с водой. Из трубы попрежнему валил чёрный дым, и ветер, подхватывая его, мигом растрёпывал в клочки.

Но вот на пароходе что-то случилось — гудок оборвался. Огромная волна, словно торжествуя, вздыбилась возле судна, ударила в нос и перекатилась по палубе... Только капитанский мостик, часть трубы да мачта маячили над водой.

— Ой-ей! — воскликнула мать Гирманчи и заметалась по берегу.

— Пропал пароход, — вздохнул отец Гирманчи и поднялся с чурбака, на котором сидел до тех пор, устремив взгляд на разбушевавшуюся реку.

— Бери вёсла, Чегрина, поплывём, — сказал он.

— Как поплывём? Волны большие, ветер дурной. Пропадём, — испуганно ответила мать.

— Бери вёсла, Чегрина!

Чегрина метнулась к чуму, схватила вёсла и побежала к лодке, которая была вытащена на берег, подальше от воды.

Мать прыгнула в лодку, взяла вёсла в руки. Отец и Гирманча, уцепившись за корму, ждали боль-

шую волну. А она шла неторопливо, вздымаясь, накатываясь на берег. Всё ближе и ближе её белый взъерошенный гребень; летят брызги, пена. С мокрого песка в воздух вспархивают чайки, кулики, плишки.

Вот волна хлынула на берег кипящим потоком, лизнула нос лодки, легко подняла её, и тогда отец крикнул:

— Гребите!

Чегрина ударила вёслами. Лодка рванулась вперёд, на гребень новой волны. Гирманча побежал по воде вслед за лодкой.

— Куда ты? Вернись! — закричала мать. Но Гирманча не отставал, пытаясь ухватиться за борт и перевалиться в лодку.

— Вернись, Гирманча, — приказал отец, — людей на пароходе много, места в лодке мало. Вернись!

Руки Гирманчи выпустили борт лодки, накатившаяся волна сбила его с ног и поволокла по песку. Когда Гирманча поднялся и посмотрел на реку, лодка была уже далеко от берега, за мутно-желтоватой полосой поднятого со дна песка и ила. Лодка быстро приближалась к судну, отчаянно боровшемуся с бурей.

Оттого, что пароход уже не кричал и не дымил, Гирманче казалось, что там нет никого живого. Вдруг у носа буксира взметнулся каскад воды, и до слуха Гирманчи донёсся какой-то рокот: это выбросили якорь. Затем послышалось урчание, и снова взметнулись брызги, уже с левого борта отдали второй якорь. Теперь пароход стало болтать ещё сильнее, и волны то и дело накрывали его. А лодка всё вскидывалась и вскидывалась на гребнях волн. Она была уже совсем близко у цели, как вдруг случилось что-то непонятное.

Отец неожиданно встал с кормы и протянул руку к матери, она быстро подала ему весло. Гирманча до-

гадался — у отца лопнуло кормовое весло. Гирманча затаил дыхание, потом он увидел, как лодку подхватило волной и развернуло. Отец тщетно пытался повернуть лодку носом навстречу волнам. И вдруг всё исчезло в кипящей воде. Через минуту лодка всплыла на поверхность кверху килем. На палубе буксира заметались люди. Оттуда полетели в воду спасательные круги, какие-то продолговатые предметы. Но ни отца, ни матери больше не было видно в крутых пенистых волнах...

Так осиротел Гирманча.

Пароходик всё-таки продержался. К вечеру с верховьев реки пришёл большой теплоход с угрюмым гудком и жёлтой трубой. С силой расталкивая носом волны, он подошёл к маленькому буксиру, коротко пробасил, подцепил полузатопленное судёнышко и потащил его за собой, укрывая от ярости волн своим высоким бортом.

Когда оба судна исчезли на горизонте, Гирманче стало совсем тоскливо. Правда, он всё ещё надеялся, что мать и отец вот-вот вынырнут из воды, и тогда он, Гирманча, поплывёт за ними на запасной лодке. Но все ожидания оказались напрасными.

Солнце обошло кругом, прикатилось к тому месту, где было утром, и несколько минут, словно в нерешительности, висело над тёмными зубцами леса на том берегу реки, как бы раздумывая, прятаться ли за горизонт. И, видимо, решив, что здесь, в суровом Заполярье, люди не осудят его за излишнее усердие, солнце опять покатило по своему старому пути, от того берега к этому.

Начался новый день. Птицы плескались в воде, чирикали в кустах, кружили в воздухе. Волнение на реке стихало.

Старый пёс Турча раскапывал лапами мышиную нору за чумом.

Всё живое было занято своим делом, и только Гирманча не знал, что ему делать: или реветь, или варить еду, или идти к чуму рыбака-соседа за тридцать километров и рассказать ему о случившемся?

Много передумал Гирманча, но с берега не уходил. Он боялся хоть на минуту отвести взгляд от реки.

А вдруг выплывут мать с отцом и им некому будет помочь? Гирманче даже почудилось однажды, что он слышит голос матери. Очнувшись от дремоты, он увидел на реке тот самый буксир, который вчера так жалобно гудел, взывая о помощи. Гирманча обрадовался ему, словно увидел друга.

Пароходик, поровнявшись с чумом, бойко прокричал, лихо развернулся, так что поднятая им волна чуть не докатилась до Гирманчи, и отдал якорь. От буксира отошла шлюпка с людьми и поплыла к берегу.

«Рыбу есть хотят», — решил Гирманча. Он помнил, как с проходящих пароходов к их чуму иногда приставали на лодках люди, чтобы купить у отца свежей рыбы.

Гирманча знал мало русских слов. И потому, когда человек, с большими усами, цветом похожим на мох лишайник, и в кителе с блестящими пуговицами, вылез из шлюпки, подошёл к нему и сказал: «Несчастье, брат, да... Грех-то какой случился» — Гирманча, не поняв, ответил по-эвенкски:

— Рыбы нет. Отец ещё не смотрел сети. Ветер был. Если пароход подождёт, Гирманча сам посмотрит сети и даст рыбы пароходным людям!

— Э-э, брат! — удивлённо воскликнул усатый. — Да ты и по-русски не понимаешь, вовсе плохо. Что с тобой, друг, делать?

Гирманча знал слово «друг» и, услышав его, обрадовался.

— Друг, друг, друг, — радостно забормотал он.

Усатый прижал его к себе и, откашлявшись, заговорил:

— Эх ты, детёныш! Я друг, они тоже други,— показал он на стоявших рядом матросов.— Ты, друг, не горюй, что сделаешь, стихия... Мы не покинем тебя, так что будь спокоен. Да. Твои тятка с маткой нас спасать бросились, да сами потопли. Ну, ничего, друг. Поедешь ты с нами в город, в детдом тебя отдадим. Знаешь, что такое город?

Гирманча города никогда не видел, но был однажды с отцом на пассажирском пароходе и смотрел там кинокартину, в которой показывали большие дома и много людей.

— Корот, кино, друг, — сказал он и с удовольствием повторил: — Корот, кино, друг.

— Во-во, кино, кино. Это, брат, в городе каждый день, хоть три сеанса подряд смотри. Ты парень смышлёный, не пропадёшь. Сразу понял, что к чему. Давай, дитёнок, собирай свои пожитки и ту-ту-у-у, поедем.

— Ту-ту-у! — радостно повторил Гирманча и, показав пальцем на кокарду, украшавшую фуражку седоусого добряка, спросил:

— Капитан?

— Капитан, капитан, — оживлённо отозвался тот. — Вот ведь глазастый какой, узрел, догадался. Тебя-то как кличут, а? Тебя, тебя, — капитан постукал пальцем по груди мальчугана, — как зовут?

— Я — Гирманча, друг, ты — капитан, друг, парокот — друг, ту-ту-у. Корот — друг.

— Ах, ты парень, парень, — растроганно заговорил капитан, — сиротой остался, а горя ещё не сознаёшь, радуешься, что в город поедешь. Мал ещё. Но ничего, Гирманча, — добавил он, — не дадим тебя в обиду, не дадим!

Город ошеломил Гирманчу. На рейде и у пристаней гудели, свистели и отпыхивались пароходы и пароходики. Низко, так что отчётливо были видны на крыльях звёзды, проносились с оглушающим рёвом гидросамолёты. На улицах города одна за другой гнались автомашины и тоже гудели, мчались долговязые лесовозы; спешили куда-то люди, одетые в разные одежды.

Гирманча крепко держался за руку капитана и всё жался к нему, а тот, здороваясь со встречными знакомыми, говорил:

— Не робей, Гирманча, это сначала в диковину, а потом привыкнешь. К городу легко привыкнуть, а вот к чужим людям — это потруднее. Как твои дела по этой части пойдут, не знаю. Да-а. Ребятишки — народ задиристый, могут, конечно, и пообидеть. Главное — не поддаваться и, ежели что, — сдачи давать. Это верно. Понял?

Гирманча многого из того, что говорил капитан, не понимал, но кивал головой своему новому другу в знак полного согласия с ним.

Они пришли к большому деревянному дому, возле которого прямыми аллеями тянулись молоденькие деревца.

В доме слышался громкий детский смех, крики, шум. Гирманча совсем оробел. Капитан, не выпуская его руки, прошёл по коридору, отыскал дверь, к которой была приклеена бумажка с какой-то надписью, и, постучав, вошёл.

За столом сидел пожилой мужчина в очках и торопливо водил ручкой по бумаге. Видимо, потому, что глаза его были прикрыты очками, он показался Гирманче строгим и сердитым. Капитан пожал мужчине руку и что-то сказал. Тот снял очки и, держа их в руке, посмотрел на Гирманчу добрым, усталым взглядом.

Потом капитан рассказывал, а заведующий детским домом внимательно слушал, время от времени тепло поглядывал на Гирманчу. Капитан поднялся и подошёл к Гирманче:

— Ну вот, Гирманча, здесь будет твой дом. Слушайся старших. Да. С ребятами дружи. Вот так-то, друг. Да. Черномазенький ты, — дрогнувшим голосом сказал вдруг капитан, нагнувшись, крепко прижал к себе Гирманчу и ткнулся в его смуглую щеку седыми, папахивающими табаком, усами. Потом сунул ему большой свёрток и торопливо прибавил: — На вот на память подарки, вся команда собирала. На пароход приходи. Отпросись и приходи. Так-то. Да. Мы не всё время в плаваньи. Ребята говорили, чтоб почаще ходил. Ну, прощевай. — Капитан широко распахнул двери, ещё раз, уже на ходу, потрепал Гирманчу по жёстким волосам и вышел.

Тогда мужчина в очках сказал, обращаясь к Гирманче:

— Давай знакомиться. Меня зовут Ефим Иванович.

— Фим Паныч, — повторил Гирманча, и заведующий с улыбкой проговорил:

— Приблизительно так. Для начала хорошо. А сейчас, Гирманча, пойдём со мной. Будем тебя мыть, кормить, переобмундировывать, знакомить с ребятами.

В коридоре Ефим Иванович велел Гирманче подождать его, а сам пошёл в одну из комнат.

К Гирманче стали подходить ребята. Они с любопытством разглядывали его одежду, расшитую бисером. Некоторые заговаривали с ним, но Гирманча мало что понимал и насторожённо следил за окружающими его детьми, готовый, если потребуется, постоять за себя.

— Ребята, глянь, — заговорил мальчуган, у которого волосы были совсем белые, — новенький какой

чёрный, будто его в трубу протащили! И не говорит ничего, немой, наверно. Эй ты, кала-бала, кала-бала! — подразнил белобрысый.

Ребята захохотали. Гирманче это показалось обидным. Он сжал кулачки и посмотрел исподлобья на белобрысого.

— Ого-о! — попятившись, пробормотал тот. — Он, оказывается, сердитый.

— А ты не заедайся! — выступил вперёд высокий мальчишка с красным значком на куртке. Потом, с видом знатока языков, сказал единственное эвенкское слово, которое знал: «Бойе, не бойся, мы все тебе — бойе», — и протянул руку.

Гирманча обрадовался, услышав родное слово, означавшее по-русски «друг», но руку из осторожности всё же не подал.

— Эй, эй! Орлы! — послышался голос Ефима Ивановича. — Вы чего это Гирманчу к стене прижали, а ну все по местам!

Ребята разлетелись, словно стайка воробьев, — быстро, с шумом. А Гирманчу отвели в комнату, где женщина в белом, как снег, халате принялась стричь Гирманчу, пощёлкивая блестящей машинкой. Его чёрные жёсткие волосы клочьями повалились на пол. После стрижки Гирманче велели снять одежду. Он заупряился и, когда женщина попыталась сделать это сама, заревел. Но его всё-таки раздели и посадили в посудину с водой. Название посуды очень походило на отчество заведующего детдомом — ванна.

Вымытый, в тонком белье и новой чистой одежде Гирманча почувствовал себя так, словно на нём и вовсе не было одежды. Постепенно ощущение это исчезло.

Был уже вечер, когда посвежевший, с синеватой остриженной головой и чёрными глазами, немного осовевшими от обильной еды и тепла, Гирманча

пришёл в комнату, где было много детей. Ефим Иванович, обращаясь к ребятам, сказал:

— Вот что, орлы, кто-то должен положить с собой на одну ночь этого мальчика. Только на одну ночь. Завтра мы поставим для него кровать.

Ребята молча переглянулись, и один спросил:

— А как его зовут?

— Имя у него эвенкское — Гирманча.

— А если мы его Геркой, то есть Герой будем звать? Можно?

— Это уж вы у него спрашивайте, — улыбнулся Ефим Иванович и вышел.

Некоторое время в комнате стояла неловкая тишина. Потом высокий мальчик со значком на груди подошёл к Гирманче, взял его за руку, подвёл к своей кровати и сказал, приложив руку к шее, как это делают эвенки:

— Ты — бойе, я — бойе — хр-р-р. Спать. Вместе спать будем. Рядом. Вот на этой кровати. Понятно?

— Хр-р-р, понятно, — робко повторил Гирманча, и все ребята заулыбались.

— Ишь какой, сразу понял, о чём разговор, — сказал белобрысый паренёк.

— Если к человеку по-доброму подойти, так он хоть что поймёт, — ответил высокий мальчишка. — Это ты всё с насоку делаешь. — И, обращаясь к Гирманче, добавил: — Гера, это всё наши ребята, они ходят в школу. Ты тоже будешь ходить в школу. Школа. Понимаешь?

Гирманча смотрел на него с недоумением. Тогда высокий скомандовал:

— А ну, ребята, достаньте-ка у малышей букварь или какую-нибудь другую книжку, где школа нарисована.

Минут через пять на столе уже лежал ворох книг с разными рисунками. Ребята наперебой показывали

их Гирманче, и каждый старался растолковать ему, что изображено в книжках. Было очень шумно и весело. И хотя Гирманча очень мало что понимал из того, что объясняли, ему всё-таки было хорошо и приятно.

Когда Гирманча лёг в постель рядом с высоким мальчиком и в комнате погас свет, он приложил руку к груди нового товарища, потом дотронулся до своей груди и тихо, с благодарностью проговорил:

— Ты друг, я друг, мы — бое!

— Друзья, друзья, Герка! У тебя теперь много будет друзей, — ответил тот и, нащупав в темноте руку Гирманчи, крепко сжал её, добавив: — Спи, Герка, завтра мы с тобой в школу пойдём...

ОГОНЬКИ

Я с папой и мамой пять лет назад уехал в город, потому что настала пора мне учиться, а дедушка не захотел уезжать. Конечно, какой ему интерес в городе, если он всю жизнь проработал бакенщиком у Карального переката, каждый камешек знает здесь, любит реку. Вот я — это другой разговор. Мне в городе интересно, да и то больше — зимой, когда в школе учусь, а летом меня всегда тянет к дедушке, в белую избушку, что стоит на берегу, где я родился и жил до семи лет.

Нынче летом я решил взять с собой к дедушке и Андрюшку. Он мне сродни приходится. Не знаю, кто он мне, шурин или зять, неважно я разбираюсь в этой самой родне. Словом, его мать — племянница папиной матери, моей бабушки, которая умерла давно, и я её не помню. Андрюшка — паренёк тихий и хилый, оттого что мало ест. Аппетита, говорят, у него нету. Ну, папа и сказал:

— Возьми-ка ты, Серьга, с собой Андрюшку. На природе у него сразу аппетит появится, пусть только дедушка почаще ему вёсла в руки даёт.

Я и взял Андрюшку с собой. Мне ещё лучше, веселей. Единственное, что умеет делать Андрюшка, — это песни петь. Здорово поёт. Затянет что-нибудь, голос у него дрожит, точь-в-точь как у артиста. По вечерам мы с дедушкой любим слушать его песни. Голос

Андрюшки разносится далеко-далеко над рекой, и на той стороне, в горах, немного тише откликается другой Андрюшка. Наш уже перестанет петь, а тот будто убегает и всё ещё поёт. Дедушка ласково гладит Андрюшку по голове и говорит:

— Славно, Андрюха, славно. Спой-ка ещё про бурлаков-то...

Хорошо нам жилось. У Андрюшки и аппетит стал появляться. Дома капризничал, даже пряники есть не хотел, а тут картошку в мундире и уху так навораживает, что, как говорит дедушка, «только за ушами пищит».

И вдруг дедушка заболел. Я никогда не думал, что дедушка может заболеть. Он такой крепкий, совсем не похожий на других дедушек: высокий, сильный, одной рукой на берег лодку вытаскивает. Мы даже сначала не поверили, что дедушка заболел. Он, видимо, и сам не верил, только сказал:

— Что-то знобит меня, ребята. — Потом заглянул в старый ящик, весь перепоясанный для прочности жестяными лентами, достал бутылочку, поболтал ею и налил чего-то мутного в стакан. Осушив его до дна, громко крикнул, понюхал корку хлеба, убрал бутылочку обратно в ящик и залез на печь.

— Вот пропотею, и всё ладно будет.

Пропотеть-то пропотел, да толку мало. Попробовал дедушка утром спуститься с печки и чуть не упал.

— Гляди-ка ты, на самом деле вроде захворал, — пробормотал он.

Мы струсили.

— Ой, Серёга, вдруг дедушка помрёт, что мы тогда одни...

— Типун тебе на язык, — зашипел я на Андрюшку, и он примолк.

К вечеру дедушка попробовал подняться ещё раз. Мы помогали ему. Но у него сразу закружилась

голова, и он сел на пол возле печки. Редкие волосы его стали мокрыми от пота, руки — слабыми; дышал он трудно.

— Дедушка, деда, что с тобой?

— Захворал я, брат Серёга... разохся... стало быть, года...

Он облизал пересохшие губы и вяло махнул рукой. Я зачерпнул из кадушки воды и подал ему. Дедушка отпил из ковша, отдышался и сокрушенно проговорил:

— Беда, ребята, ночь скоро... бакена.

Меня в жар бросило. Про бакены-то я и забыл! С кем их зажигать? С Андрюшкой? Грести-то он едва умеет. Здесь только научился. Тоже — растёт человек! Мать его близко к реке не подпускала до нынешнего года. Но дедушку я всё-таки успокоил:

— Мы зажжём, дедушка, не беспокойся.

— Как-нибудь сплавите осторожней, лампы заправьте.

— Не волнуйся, деда, всё будет в порядке.

Позвал я Андрюшку на улицу и приказал:

— Давай бери вёсла, иди в лодку и тренируйся грести, пока я лампы заправляю. Да гляди, как следует тренируйся!

Обычно дедушка выплывал к бакенам в то время, когда солнце скрывалось за горы и от Шумихинского утёса ложилась тень почти через всю реку. Я решил плыть раньше: Андрюшка — не дедушка.

И вот мы поплыли. Я, в который раз уже, щупал карман. Спички здесь. Шуршат. Андрюшка гребёт, а я направляю лодку кормовым веслом и учу его:

— Можно ещё и не так грести — из-под лодки веслом орудовать, это ещё скорее. Вот так. А ну-ка, попробуй.

Андрюшка пересел на корму. Не успели мы проплыть и десяти метров, как лодку повернуло и

понесло вниз по реке, хотя Андрюшка изо всех сил старался повернуть её против течения.

Больше я не давал ему кормовое весло. Он и не просил. До верхнего бакена, который стоял в самом начале переката Караульного, надо было подниматься километра полтора. Потом зажечь на нём сигнальную лампу и спускаться к остальным пяти бакенам.

Я не раз плавал к бакенам с дедушкой и отцом и знал, до какого места надо подниматься, как держать лодку, чтобы угодить на верхний бакен.

С трудом мы миновали Шумихинский утёс, возле которого вода бурлила, как чай в котле. Андрюшка вспотел, но не жаловался.

У седого камня, похожего на склонившуюся над водой старушку, мы задержались. Я начал выплёскивать из лодки веслом воду и сказал Андрюшке:

— Отдохни малость. Сильно грести придётся, чтоб не снесло.

Андрюшка сперва грёб бойко. Лодка шла хорошо. Берег удалялся. Камень-старушка превратился уже в тёмный бугор. Но вот вёсла стали едва подниматься и скользить по воде, обдавать меня брызгами. Я взглянул на маленькую пирамидку бакена, которая покачивалась на реке, и с тревогой крикнул, работая изо всех сил кормовым веслом:

— Не мажь! Проворней грести!

Но бакен, спокойно покачиваясь, проносился мимо нас. Я отбросил кормовое весло, подскочил к Андрюшке и стал помогать ему грести. Но было уже поздно. Мы очутились в нескольких метрах ниже бакена, и волнистая струя воды от треугольной крестовины бакена подхватила нас, понесла.

— Размазня! — заорал я на Андрюшку. — Это тебе не песни петь...

Андрюшка виновато опустил голову. А мне стало неловко. Насчёт песен я зря его укорил. Не надо

было. Да сгоряча и не такое сорвётся. Не глядя на него, я сказал:

— Ладно, гребни, а то пронесёт ещё и мимо другого бакена. Надо было выше подниматься, тогда и не промазал бы.

— А как тот бакен? — робко спросил Андрюшка.

— Как, как! — снова разозлился я. — Чёрт его знает, как! Свяжешься с такими, как ты, наживёшь горя. Ловись хоть за этот бакен хорошенько. Да не прозевай!

Я подправил лодку боком к бакену. Андрюшка так старался не прозевать, что, хватаясь за крестовину бакена, почти весь подался из лодки. Она накренилась и зачерпнула бортом. Загремел шест, забрякали лампы. Я обмер, но быстро опомнился, успел выровнять крен и закричал:

— Тише, ты! Чуть не утопил!

Андрюшка цепко держался за бакен и ничего не отвечал. И даже после того, как я зажёл лампу, он всё ещё не отпускался.

— Брось держаться, оставь бакен, — проворчал я.

Зажечь лампу и вставить её в фонарь — дело пустяковое. Но впереди ещё пять бакенов, и один из них — вверху. Его надо всё равно как-то зажигать. Бакен стоит в самом опасном месте.

— Ну, передохнул?

— Ага.

— Берись за вёсла, начнём биться против течения.

Андрюшка поплевал на руки, подумал и снял с себя рубашку. Я сделал то же самое.

— Понеслись! — скомандовал я и принялся грести своим веслом.

Андрюшка, упёршись широко расставленными ногами в поперечину, работал вёслами изо всей мочи.

Хлопали вёсла, плескалась и шумела за бортами лодки вода, в которой, словно раскалённые пружинки, сжимались и разбегались последние отблески вечернего заката. Где-то вверху по реке, у скал, слившихся в сплошную тёмную массу, тоскливо закрикала утка. Ей никто не откликнулся. Она крикнула ещё раз и умолкла.

Зажжённый бакен удалялся от нас очень медленно. Руки у меня начали слабеть, делаться непослушными, а каково-то было Андрюшке! Но, к моему удивлению и радости, он грёб всё ещё крепко.

— Немного уже до бакена, совсем маленько, — приободрял я его и ещё сильнее и чаще стал опускать своё весло в воду. Но вот я почувствовал, что лодка замедлила ход — в ударах Андрюшкиных вёсел начался разнобой. Выдохся Андрюшка.

— Давай, друг! Давай, Андрюш! — задыхаясь, попросил я. — Ну, раз! Раз! Раз! Раз! Совсем чуточку осталось...

— Серёж... но мо... не могу... силы... уже...

— Андрюшечка, милый, нажми! Дружочек, капельку! Вот он, бакен! Дедушка...

Андрюшка как-то всхлипнул и ударил ещё несколько раз по воде вёслами. Нос лодки медленно приближался к белому бакену. Я из последних сил налёг и крикнул:

— Ловись! Быстро!

Трясущимися руками Андрюшка ухватился за бакен, я перебрался на нос лодки и привязал её к бакену цепью.

— Ф-фу! — разом вырвалось у нас. Долго сидели неподвижно.

...Была уже поздняя ночь, когда мы приплыли к избушке. Убирая запасные лампы в чулан, я услышал из окна дедушкин голос:

— Это ты, Серёга?

— Я, дедушка. Всё в порядке, лежи спокойно. Мы сейчас картошки сварим. Будешь есть-то?

— Буду, буду, полегчало вроде мне. А где Андрюха-то? Умыкался, поди, с непривычки, горюн.

Когда зашли в избушку, дедушка в подшитых валенках и старенькой ватной тужурке сидел на табуретке у окна.

— Гляжу, нету и нету вас, — сказал он. — Река ведь, до беды недалеко. Слез с печки-то, а на улицу сил не хватило выйти, так вот у окна и сторожу.

Дедушка достал из стола цветастый мешочек, вытряхнул из него на свою широкую ладонь все леденцы, сколько их там было, разделил пополам и отдал нам.

— Пососите с устатку, пока картошка варится. Завтра лампы гасить и зажигать вам же, наверно, придётся. Кто его знает, когда я поправлюсь. Ну, да теперь душа у меня спокойна, помощники вон какие приехали.

...Мы сидим на высоком берегу, сосём и хрумкаем леденцы. Рядом, над костром, бормочет котелок. От земли тянет холодком, который приятно разливается по телу. На реке, будто далёкие звёздочки, мерцают огоньки бакенов и, кажется, хитро подмигивают, спрашивая: «Что, братцы, устали?»

Но вот в темноте, там, где приглушённо шумит пережат, появляются два зелёных огонька, похожие на глаза нашего кота Васьки, затем выплывают другой, третий, десятый, уже светлые огоньки. И вдруг ночную тишину вспугивает басистый гудок.

— Андрюшка, Андрюшка! «Короленко» идёт! — кричу я приятелю.

Но Андрюшка не откликается: он уже спит, свернувшись калачиком у костра, крепко зажав в кулаке оставшиеся дедушкины леденцы.

Содержание

1. Васюткино озеро	3
2. Приятели	37
3. Схватка	46
4. Хозяйка лесной избушки	59
5. Гирманча находит друзей	71
6. Огоньки	82

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Молотовское книжное издательство
просит присылать свои отзывы о содер-
жании книги и ее оформлении, а также
свои пожелания по адресу:*

г. Молотов, областной, К. Маркса, 30.

Виктор Петрович Астафьев

ОГОНЬКИ

Редактор *В. Г. Александров*
Художник *В. В. Каменский*
Техн. редактор *К. И. Лапрун*
Корректор *Т. И. Давыдова*

Сдано в набор 28|IX 1954 г. Подписано к печати 12 января 1955 г.
Бумага 60×84¹/₁₆ — 2,86 б. л. = 5,72 п. л. — 4,10 уч. изд.
ЛБ06104 Тираж 15 000 экз. Цена 1 р. 25 к.

2-я книжная типография Облполиграфиздата.
Гор. Молотов, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 1387.

Цена 1 руб. 25 коп.

**МОЛОТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОЛОТОВ — 1955**